

КОРРУПЦИЯ, ЦЕННОСТИ И ПОПЫТКИ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В СТРАНАХ С РАЗЛИЧНЫМ УРОВНЕМ ВВП НА ДУШУ НАСЕЛЕНИЯ: ОПЫТ КОЛИЧЕСТВЕННОГО КОМПАРАТИВНОГО И КОРРЕЛЯЦИОННОГО АНАЛИЗА

Андрей Витальевич Коротаев

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Институт Африки Российской академии наук, Москва, Россия*

Сергей Вадимович Цирель

*Санкт-Петербургский горный университет,
НЦ геомеханики и проблем горного производства, Санкт-Петербург, Россия*

Станислав Эдуардович Билюга

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия*

<p>Информация о статье:</p> <p><i>Поступила в редакцию:</i> 28 марта 2018</p> <p><i>Отправлена на редактирование:</i> 28 сентября 2018</p> <p><i>Принята к печати:</i> 19 октября 2018</p>	<p>Аннотация: Показано, что частота переворотов и попыток переворотов примерно в равной степени связана как с уровнем коррумпированности, так и с уровнем подушевого ВВП, причем в отношении попыток свержения центральной власти влияние уровня ВВП на душу населения оказывается немного сильнее, а в отношении свержения всех органов власти в совокупности, как центральных, так и местных, степень коррумпированности оказывает большее воздействие. При этом оба показателя находятся в тесной связи между собой, однако скорость роста ВВП не имеет устойчивой корреляции с коррупцией и слабо коррелирована с частотой попыток насильственного свержения органов государственной власти. Полученные зависимости сложным образом связаны с ценностными представлениями. В группе развитых стран с уровнем коррумпированности менее 40 баллов (по 100-балльной шкале) наблюдается существенная положительная корреляция между некоррупцированностью и ценностями самовыражения. В остальных странах ценности не оказывают влияния на уровень коррумпированности, зато влияют на темпы экономического роста и частоту попыток свержения власти. Проведенное исследование показало, что при равных уровнях коррумпированности в странах низкого и среднего уровня экономического развития для устойчивости власти и быстрого экономического роста полезен отказ от традиционализма и вреден слишком ранний переход к ценностям самовыражения. Однако переход через рубеж подушевого ВВП 20-25 тыс. долл. в год затруднителен, если не сопровождается снижением уровня коррумпированности ниже уровня в 40–50 баллов. Есть основания предполагать, что современная Россия с подушевым ВВП около 25 тыс. долл. в год и уровнем коррумпированности выше 70 баллов, может находиться именно в такой ситуации.</p> <p><i>Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2019 году при поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00254)</i></p>
<p>Об авторах:</p> <p><i>Коротаев А.В.</i>, доктор философии (Ph.D.), д.и.н., профессор, зав. Научно-учебной лабораторией мониторинга рисков социально-политической дестабилизации, НИУ ВШЭ; главный научный сотрудник, Институт Африки РАН e-mail: akorotayev@gmail.com</p> <p><i>Цирель С.В.</i>, д.т.н., Санкт-Петербургский горный университет; главный научный сотрудник, НЦ геомеханики и проблем горного производства e-mail: tsirel58@gmail.com</p> <p><i>Билюга С.Э.</i>, младший научный сотрудник, Научно-учебная лаборатория мониторинга рисков социально-политической дестабилизации, НИУ ВШЭ e-mail: sbilyuga@gmail.com</p>	
<p>Ключевые слова: коррупция; дестабилизация; государственный переворот; попытка государственного переворота; ВВП на душу населения; рост ВВП; устойчивость роста; традиционные ценности; рациональные ценности; ценности выживания; ценности самовыражения</p>	

Введение

Коррупция уже давно стала объектом пристального внимания исследователей. В первую очередь, большое внимание уделяется изучению влияния коррупции на инвестиции и экономический рост¹; на распределение государственных расходов на образование и здравоохранение² и, в более общем плане, на эффективное распределение ресурсов³.

Значительное внимание также уделяется изучению влияния коррупции на благосостояние граждан⁴, образовательные процессы⁵, социальную мобильность⁶, безработицу⁷, на уровень преступности⁸ и т.д.

Многие исследователи также уже обращали внимание на то обстоятельство, что уровень коррупции может выступать в качестве мощной социально-политической дестабилизирующей силы⁹. Так, Дж. Голдстоун

рассматривает коррупцию в качестве важного фактора дестабилизационной волны 2014 г. в Таиланде, Украине, Венесуэле и Боснии¹⁰. Действительно, наш собственный анализ дестабилизационной волны 2013-2014 гг. также показал, что высокий уровень коррупции являлся в этот период времени статистически значимым предиктором дестабилизации по модели «центрального коллапса»¹¹. При этом остается неясным, был ли протест против коррупции важным лозунгом, концентрирующим претензии протестующих к власти в данной дестабилизационной волне, или коррупция является общим дестабилизирующим фактором. Систематической эмпирической оценки степени социально-политически дестабилизирующего влияния коррупции в странах разного уровня экономического развития вплоть до настоящего времени, насколько нам известно, не проводилось. Такая

¹ См. напр.: Acemoglu, D.; Robinson, J. *The Role of Institutions in Growth and Development*. Washington, DC: World Bank, 2010.

² См. напр.: Mauro, P. *Corruption and the Composition of Government Expenditure* // *Journal of Public Economics*, 1997, Vol. 69, No. 2, pp. 263-279.

³ См. напр.: Hessami, Z. *Political Corruption, Public Procurement, and Budget Composition: Theory and Evidence from OECD Countries* // *European Journal of Political Economy*, 2014, No. 34, pp. 372-389.

⁴ Bertrand, M.; Luttmer, E.F.P.; Mullainathan, S. *Network Effects and Welfare Cultures* // *The Quarterly Journal of Economics*, 2000, No. 115(3), pp. 1019-1055.

⁵ Sacerdote, B. *Peer Effects with Random Assignment: Results for Dartmouth Roommates* // *The Quarterly Journal of Economics*, 2001, No. 116(2), pp. 681-704.

⁶ Schneider, F. *Does Corruption Promote Emigration?* IZA World of Labor, 2015.

⁷ Goldstone, J.A. *Understanding the Revolutions of 2011: Weakness and Resilience in Middle Eastern Autocracies* // *Foreign Affairs*, 2011, No. 90, pp. 8-16; Ionescu, L. *Corruption, Unemployment, and the Global Financial Crisis* // *Economics, Management and Financial Markets*, 2012, Vol. 7, No. 3, pp. 127-133.

⁸ Buonanno, P.; Montolio, D.; Vanin, P. *Does Social Capital Reduce Crime?* // *The Journal of Law and Economics*, 2009, Vol. 52, No. 1, pp. 145-170.

⁹ Bicchieri, C.; Rovelli, C. *Evolution and Revolution: The Dynamics of Corruption* // *Rationality and*

Society, 1995, No. 7(2), pp. 201-224; Mauro, P. *Corruption and Growth* // *The Quarterly Journal of Economics*, 1995, Vol. 110, No. 3, pp. 681-712; Minkov, M. *Predictors of Societal Accident Proneness across 92 Countries* // *Cross-Cultural Research*, 2016, Vol. 50, No. 2, pp. 103-122; Khestanov, R. *Corruption and Revolution as Structural Foundations for the Fiction of State Interest (Raison d'État)* // *Russian Journal of Philosophy & Humanities*, 2017, No. 1, pp. 73-90.

¹⁰ Goldstone, J. *Protests in Ukraine, Thailand and Venezuela: What Unites them?* // *Russia Direct*, 2014. Mode of access: <http://www.russia-direct.org/content/protests-ukraine-thailand-and-venezuela-what-unites-them>

¹¹ Цирель С.В. К истокам украинских революционных событий 2013-14 гг. // *Polit.ru*, 2014. Режим доступа: <http://polit.ru/article/2014/06/08/ukraine/> [Tsirel, S.V. *K istokam ukrainskikh revolyucionnyh sobytij 2013-14 gg. (To the Sources of the Ukrainian Revolutionary Events of 2013-14)*, 2014. Mode of access: <http://polit.ru/article/2014/06/08/ukraine/>; Коротаев А.В., Исаев Л.М., Васильев А.М. Количественный анализ революционной волны 2013-2014 гг. // *Социологические исследования*. – 2015. – No. 8. – С. 119-127. [Korotayev, A.V.; Issaev, L.M.; Vasiliev, A.M. *Kolichestvennyi analiz revolyutsionnoi volny 2013-2014 gg. (Quantitative Analysis of the Revolutionary Wave of 2013-2014)* // *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*, 2015, No. 8, pp. 119-127.]; Korotayev, A.; Issaev, L.; Zinkina, J. *Center-Periphery Dissonance as a Possible Factor of the Revolutionary Wave of 2013-2014: A Cross-National Analysis* // *Cross-Cultural Research*, 2015, Vol. 49, No. 5, pp. 461-488.

эмпирическая оценка для стран различного уровня экономического развития с разными системами ценностей будет приведена в данной статье.

Материалы и методы

Для эмпирической оценки степени социально-политически дестабилизирующего влияния коррупции в качестве независимой переменной нами был выбран индекс коррумпированности, построенный нами на основе Индекса восприятия коррупции (*Corruption Perception Index* [CPI]), рассчитанного организацией Transparency International на период с 1995 по 2015 гг.¹² Несмотря на свое название, данный индекс представляет собой индекс некоррумпированности государств, т.к. максимальное значение индекса («100») соответствует минимальному уровню коррумпированности, а минимальное значение («0») соответствует его максимальному уровню. Для трансформации данного индекса в индекс коррумпированности значения CPI были вычтены из 100. Кроме того, для обеспечения сопоставимости значений индекса коррумпированности за периоды 1995-2011, когда использовалась десятибалльная шкала, и 2012-2015 гг. новые полученные числа были поделены на десять.

Предваряя исследование, очень важно отметить, что уровень коррумпированности или уровень восприятия коррупции (последнее название более точно характеризует способ оценки параметра) в отличие от количества попыток переворотов или ВВП на душу населения не может быть получен с помощью простых наблюдений и/или вычислений.

Во-первых, индекс восприятия коррупции характеризует не только объективные данные, собранные внутренними и внешними экспертами, но и их субъективное восприятие, их общее отношение к состоянию страны и существующей государственной власти; в первую очередь, бедность страны, беззаконие, даже напрямую не связанное с коррупцией и т.д., в той или иной степени ухудшают их оценки.

¹² *Corruption Perception Index*. Mode of access: <http://www.transparency.org/research/cpi/>

Во-вторых, сама коррупция зависит от множества факторов различной природы, прежде всего от существующих культурных и институциональных особенностей и качества государственного управления. При преобладании традиционной бюрократии и традиционного патримониализма, кормлений, откупов и др. коррупция является органическим элементом функционирования общества и государства и при отсутствии эксцессов не угрожает устойчивости власти, пока традиционные формы управления не вступают в противоречие с современными экономическими и социальными процессами. При этом высокий уровень коррупции в любых странах характеризует плохое государственное управление – неразумные законы, неспособность и неподготовленность чиновников, нерациональное распределение расходов бюджета (приводящее, например, к слишком низким зарплатам мелких служащих), враждебные отношения властей с бизнесом или, наоборот, зависимость государственных чиновников от национального или внешнего крупного капитала и др. Поэтому некоторое влияние на исследуемую зависимость неустойчивости государственной власти от уровня коррумпированности могло оказать то обстоятельство, что коррупция – это не только отдельное проявление, но в некоторой мере и общая характеристика низкого качества функционирования власти.

В то же время, чем длиннее период, охваченный анализом, тем меньше исследуемые факторы влияют на устойчивость государств. При традиционной бюрократии и неизжитых традициях использования государственных должностей как кормлений уровень коррумпированности должен был удерживаться в определенных обычаями рамках, а начиная со времени широкого распространения современной рациональной бюрократии порог допустимого уровня коррупции стал быстро снижаться. Поэтому, хотя по литературным описаниям уровень коррупции в западноевропейских странах и особенно в США в конце XIX века¹³ был существенно выше, чем в настоящее время, но государства были более устойчивыми, чем

¹³ Cherny, R. W. *American Politics in the Gilded Age: 1868-1900*. N.Y.: Wiley, 1997

столь же коррумпированные государства современного мира.

В качестве контрольной независимой переменной использовался показатель ВВП на душу населения по паритету покупательной способности с 1960 по 2016 гг., в постоянных долларах 2011 года¹⁴.

В качестве зависимых переменных были взяты:

– Переменная *CNTS domestic7* базисных данных *CNTS (Cross National Time Series)*¹⁵. Эта переменная имеет несколько вводящее в заблуждение название *revolutions* («революции»). К «Революциям» (*Revolutions, domestic7*) система *CNTS* относит «любые незаконные или связанные с принуждением изменения в правящей элите, любые попытки таких изменений, а также любые успешные или неудачные вооруженные выступления, имеющие своей целью независимость от центральной администрации». Отметим, что данная переменная включает в себя не только удачные или неудачные попытки насильственной смены центральной власти, но также вооруженные выступления сепаратистов на местном уровне и насильственные действия, направленные против провинциальных органов власти.

– Сумма государственных переворотов и попыток государственных переворотов, вычисленная по базе данных *Coupsd'Etat, 1946-2016 (Center for Systemic Peace [CSP], 2017)* = переменная «Перевороты и попытки переворотов *CSP*». Принципиальное отличие этих данных от переменной *CNTS domestic7* заключается в том, что она учитывает лишь действия, направленные против

центральной власти. С одной стороны, это дает более объективную картину, так как исключает действия различных сепаратистов на окраинах, но, с другой стороны, во многих случаях недооценивает нестабильность многих коррумпированных режимов, ибо не принимает во внимание менее значительные проявления неустойчивости государственной власти.

– В ряде случаев в качестве дополнительной переменной используется сумма абсолютных величин изменений основного индекса в базе данных *Polity IV (2017)* за длительный период времени, которая характеризует не попытки свержения государственной власти, а общую устойчивость режимов.

Надо отметить, что в обеих базах данных фиксируемые события включают в себя не только и не столько революции¹⁶, сколько перевороты и попытки переворотов. Т.е., по сути, речь идет о любой насильственной смене центрального и провинциального руководства той или иной страны или попытках такой смены. Поэтому в данной статье речь пойдет о коррупции как факторе насильственной изменения государственной власти (как революционным путем, так и путем переворотов), которое может рассматриваться в качестве одного из важнейших проявлений политической нестабильности.

Также в нашем анализе участвуют данные о подушевом ВВП (с учетом ППС) и росте ВВП из базы данных Всемирного банка¹⁷. Для характеристики ценностей использовались данные *World Values Survey (WVS)* последней полностью законченной (шестой)

¹⁴ World Bank. World Development Indicators Online. Washington DC: World Bank. Mode of access: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.KD>.

¹⁵ Базисных Cross National Time Series (CNTS) (Banks, A.S.; Wilson, K.A. Cross-National Time-Series Data Archive. DatabanksInternational. Jerusalem, Israel. Modeofaccess: <http://www.databanksinternational.com>) является результатом работы по сбору и систематизации данных, начатой Артуром Банксом в 1968 г. в Университете штата Нью-Йорк в Бингемтоне на основе обобщения архива данных *The Statesman's Year book*, публикуемого с 1864 г. В базе данных содержится около 200 переменных, для более чем 200 стран.

¹⁶ Сводку определений революции см., например, в: Цирель С.В. Революционные ситуации, революции и волны революций: условия, закономерности, примеры // Ойкумена. Вып. 8 / Науч. ред., сост. А.А. Фисун. – Харьков. 2011. – С. 174-209. [Tsirel, S.V. Revoljucionnyesituacii, revoljuciiivolnyrevoljucij: uslovija, zakonomenosti, primery (Revolutionary Situations, Revolutions and Revolutionary Waves: Conditions, Regularities, Examples) //Ojkumena. Vyp. 8 / Nauch. red., sost. A. A. Fisun. Har'kov, 2011, pp. 174-209.]

¹⁷ World Bank. World Development Indicators Online. Washington DC: World Bank. Mode of access: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.KD>.

волны 2010-2014 гг.¹⁸. В статье используются не первичные характеристики, а основные индексы, введенные Р. Инглхартом и К. Вельцелем: «традиционные vs. секулярно-рациональные ценности» (*Traditional vs. Secular-Rational Values*) и «ценности выживания vs ценности самовыражения» (*Survival vs. Self-Expression Values*). Первый показатель противопоставляет традиционные, как правило, религиозные, ценности более современным, секулярным и рациональным; второй показатель противопоставляет материалистические ценности выживания (борьбы за существование) – ценностям развития, самовыражения, сохранения окружающей среды и т.д.¹⁹.

Для решения поставленной нами задачи классическая линейная регрессия не является адекватным инструментом анализа, потому что допущения МНК в нашем случае не соблюдаются – распределения зависимых переменных весьма далеки от нормального, ибо перевороты и попытки переворотов происходят не в каждой стране, и, тем более, не каждый год. Поэтому в качестве основного метода нами были использованы бинарная логистическая регрессия. Другой применяемый метод – это корреляционный подецильный анализ, заключающийся в том, что массив значений анализируемых показателей за каждый год в каждой стране («страно-годы») разбивается на десять децилей, и в дальнейшем используются средние значения по децилям, что позволяет нормализовать распределение. При этом в нижнюю подгруппу (нижний дециль) входят 10% «страно-лет» с наибольшим уровнем

коррупции или наименьшим уровнем ВВП, в верхнюю подгруппу (верхний дециль) входят 10% «страно-лет» с наименьшим уровнем коррупции или наибольшим уровнем ВВП, а в восемь промежуточных децилей – «страно-годы» с промежуточными значениями.

Основные тесты

Для проверки базовой гипотезы о том, что коррумпированный режим оказывается менее прочным, чем некоррумпированный, воспользуемся бинарной логистической регрессией (см. Табл. 1).

Таблица 1

Результаты бинарной логистической регрессии для попыток насильственной смены государственной власти (зависимые переменные CNTSdomestic7 и «Перевороты и попытки переворотов» CSP – «0» – отсутствие, «1» – наличие) **и для индекса коррумпированности** (независимая переменная – «Коррупция»), 1995–2015 гг.

	<i>Зависимые переменные:</i>	
	CNTS domestic7	Перевороты и попытки переворотов CSP
Коррупция	0,575 (0,057) 1,777***	0,917 (0,183) 2,501***
Константа	-5,904 (0,406) 0,003***	-10,418 (0,486) 0,00003***
Наблюдения	2 539	2 545
Логарифм максимального правдоподобия	1 513,437	373,282

Примечание: * $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$. В таблицах здесь и далее приводятся значения регрессионного коэффициента B , под ним в скобках приведено значение его стандартного отклонения σ , на третьей позиции, – коэффициент отношения шансов с указанием его статистической значимости.

Table 1. The Results of Binary Logistic Regression for Attempts to Change State Power and for the Corruption Index, 1995 -2015

Из результатов тестирования видно, что между уровнем коррумпированности режима и вероятностью его насильственной смены существует статистически значимая связь. При этом, при увеличении индекса коррумпированности на один пункт, вероятность осуществления локального или центрального государственного переворота или попытки переворота увеличивается

¹⁸ World Values Survey Association. World Values Survey Database. Vienna: World Values Survey Association, 2018. Mode of access: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp>.

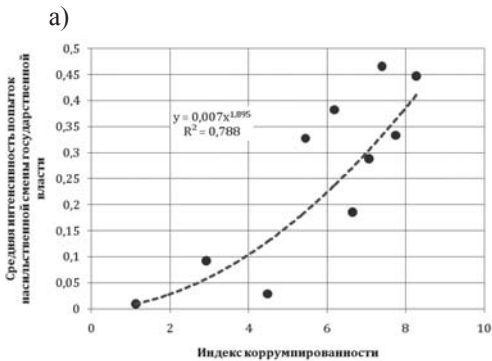
¹⁹ Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития., – М.: Новое издательство, 2011. [Inglehart, R.; Welzel, C. Modernizacija, kul'turnye zmenenija i demokratija. Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitija (Modernization, Cultural Change, and Democracy. The Human Development Sequence). Moscow: Novoeizdatel'stvo, 2011.]; Welzel, C.; Inglehart, R. Liberalism, Postmaterialism, and the Growth of Freedom // *International Review of Sociology*, 2005, Vol. 15, No. 1, pp. 81-108.

на 78% (что соответствует значению коэффициента отношения шансов в 1,78 для *CNT Sdomestic7*). С другой стороны, увеличение индекса коррумпированности на один пункт ведет к повышению вероятности центрального государственного переворота или попытки переворота на 150%, т.е. коррупция сказывается на устойчивости центрального правительства в большей степени, чем на совокупной устойчивости всех органов государственной власти.

Проведем теперь тест с использованием другого способа нормализации данных, а именно при помощи подецильного регрессионного анализа (см. Рис. 1). Рис. 1а показывает связь индекса коррумпированности с интенсивностью попыток насильственной смены всех органов государственной власти, а Рис. 1б и Рис. 1с – только центральных органов власти.

Рисунок 1

Корреляция индекса коррумпированности со средней интенсивностью попыток насильственной смены государственной власти²⁰, на соответствующий год, 1995-2015 гг. (диаграммы рассеивания с наложенными контуром степенной регрессии)²¹

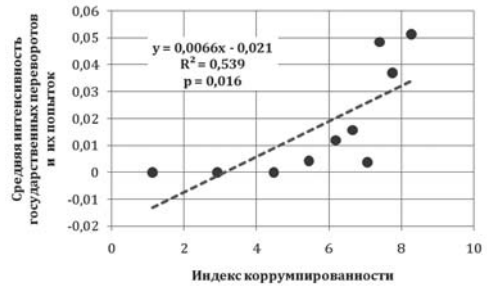
Источники данных: Banks, Wilson 2018; Corruption Perception Index 2018.

Примечание: $r = 0,838$, $R^2 = 0,703$, $p = 0,01$ (линейная регрессия, односторонний тест значимости).

²⁰ Учитываются как удачные, так и не удачные попытки такой смены, осуществленные как революционным путем, так и путем верхушечных заговоров, военных переворотов и т.п.

²¹ Corruption Perception Index. Mode of access: <http://www.transparency.org/research/cpi/>. Banks, A.S.; Wilson, K.A. Cross-National Time-Series Data Archive. Databanks International. Jerusalem, Israel, 2018. Mode of access: <http://www.databanksinternational.com>.

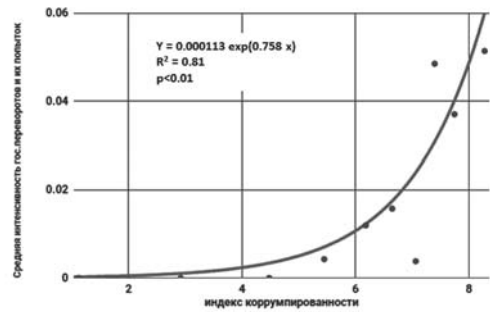
б)

Источники данных: Center for Systemic Peace 2018; Corruption Perception Index 2018.

Примечание: $r = 0,734$, $R^2 = 0,539$, $p = 0,016$ (линейная регрессия)

в)

Источники данных: Center for Systemic Peace 2018; Corruption Perception Index 2018.

Примечание: $r = 0,90$, $R^2 = 0,81$, $p < 0,01$ (экспоненциальная регрессия)

Figure 1. Correlation of the Index of Corruption with the Average Intensity of Attempts to Forcefully Change State Power for the Corresponding Year, 1995-2015.

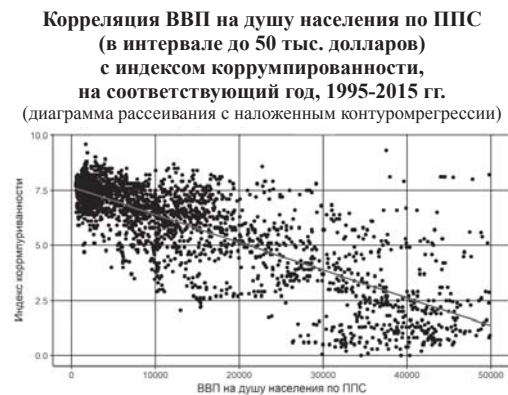
Как нетрудно видеть, для первой зависимости значимая связь может быть описана линейной формулой, хотя экспоненциальная или степенная зависимости характеризуют ее несколько лучше ($R^2 = 0,76 - 0,79$ против $R^2 = 0,7$ для линейной). У второй зависимости – связь несколько более значимая, но имеет отчетливо нелинейный (приблизительно экспоненциальный) характер. Попытки свержения центральной власти характерны для стран с высоким уровнем коррумпированности.

При этом при подецильном анализе корреляция между индексом коррупции и интенсивностью попыток насильственной смены государственной власти в обоих случаях оказывается весьма сильной

($R^2 = 0,79 - 0,81$). Например, если в 10 процентах «страно-лет» с самым низким значением индекса коррупции попытки насильственной смены местных и центральных государственных органов фиксируются как один случай в 100 лет (0,01), то в 10 процентах «страно-лет» с самым высоким значением индекса коррупции, в среднем наблюдается около одной такой попытки каждые два года. В целом же, индекс коррупции объясняет приблизительно 80% дисперсии интенсивности попыток насильственной смены органов государственной власти по децидам.

Альтернативным объяснением может служить то, что реальным фактором здесь является не сама коррупция, а уровень душевого ВВП. Дело в том, что ВВП на душу населения демонстрирует очень тесную отрицательную корреляцию с уровнем коррумпированности соответствующих стран (см. Рис. 2 и Рис. 3).

Рисунок 2

Источник: World Bank 2018; Corruption Perception Index 2018.

Примечание: $r = 0,79$, $R^2 = 0,63$, $p << 0,001$.

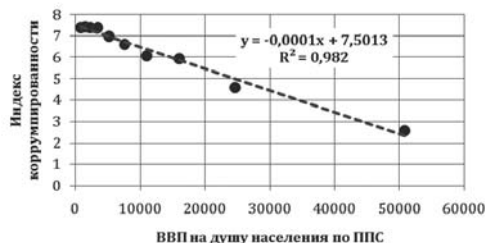
Figure 2. Correlation of GDP Per Capita at PPP (in the range of up to 50 thousand dollars) with the Corruption Index for the Corresponding Year, 1995-2015

Тесная отрицательная корреляция не представляется случайной. Низкий уровень организации государственной власти, ее коррумпированность мешают экономическому развитию, и, наоборот, низкий уровень экономического развития характерен для весьма устаревших форм организации государственного управления (кормления, откупа и др.) и препятствует более современной и более

устойчивой организации государственной власти. Например, целый ряд исследователей отмечает, что коррупция значимо чаще наблюдается в тех случаях, когда государственным служащим выплачивается очень низкая заработная плата, зачастую почти легально предполагающая, что они будут прибегать к сбору взяток, чтобы обеспечить свои семьи. Статистически значимая зависимость между низкой зарплатой чиновников и коррупцией выявлена, например, в кросснациональном эмпирическом анализе, осуществлённом исследователями Ван Рийкехемом и Ведер, результаты которых показали, что коррупция значительно выше в тех странах, в которых зарплата чиновников особенно низка²².

Рисунок 3

Подельная корреляция между ВВП на душу населения по ППС и средним значением индекса коррумпированности на соответствующий год, 1995-2015 гг.
(диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии)

Источник: World Bank 2018; Corruption Perception Index 2018.

Примечание: $r = 0,991$, $R^2 = 0,982$, $p << 0,001$ (односторонний тест значимости)

Figure 3. Sub-Specific Correlation between GDP Per Capita at PPP and the Average Index of Corruption for the Corresponding Year, 1995-2015.

Отметим и исследование российского фонда Индем, в ходе которого осуществлялся статистический анализ между переменными, характеризующими уровень оплаты должностных лиц в различных странах, и переменными, описывающими уровень коррупции и эффективность бюрократии в этих странах (база данных содержала сведения о 47 странах мира и

²² Van Rijckeghem, C.; Weder, B. Bureaucratic Corruption and the Rate of Temptation: do Wages in the Civil Service Affect Corruption, and by How Much? // *Journal of Development Economics*, 2001, Vol. 65, No. 2, pp. 307-331.

включала 51 переменную), и которое выявило, что коррупция имеет тенденцию уменьшаться при повышении заработной платы служащих: большая часть исследованных переменных, характеризующих уровень коррупции, дала значимо высокую отрицательную групповую корреляцию с переменной «зарплата чиновника»²³. В более богатых странах появляется возможность установить обладателям коррупциогенных должностей жалование, обеспечивающее высокий уровень жизни, что нередко ведет к снижению уровня коррупции²⁴.

Обсуждая полученные зависимости, необходимо отметить, что связь коррупции с уровнем ВВП меняется с течением времени и ростом государственного регулирования экономик. В конце XIX века самые передовые страны того времени по оценкам Мэддисона²⁵ имели примерно такой же уровень ВВП на душу населения, как весьма отсталые страны в наши дни, тем не менее устойчивость лидирующих государств того времени хотя и была ниже своего современного уровня, но много выше, чем у нынешних аутсайдеров.

Ряд исследователей, как мы уже отмечали выше, также фиксирует, что уменьшение коррупции способствует ускорению экономического роста страны²⁶ и, наоборот, эконо-

мический рост в долгосрочной перспективе ведет к снижению уровня коррупции. Однако в целом вопрос о связи темпов экономического роста и уровня коррумпированности до сих пор остается дискуссионным (см. ниже).

В целом ряде работ отмечалась сильная отрицательная корреляция между подушевым ВВП и интенсивностью попыток насильственной смены органов власти²⁷, дополнительным подтверждением являются результаты проведенного поделительного анализа (Рис. 4).

pp. 681-712; Acemoglu, D.; Robinson, J. The Role of Institutions in Growth and Development. Washington, DC: World Bank, 2010.

- ²⁷ Речь идет прежде всего о государственных переворотах. См. напр.: Belkin, A.; Schofer, E. Toward a Structural Understanding of Coup Risk // *Journal of Conflict Resolution*, 2003, No. 47(5), pp. 594-620; Bouzid, B. Using a Semi-Parametric Analysis to Understand the Occurrence of Coups d'état in Developing Countries // *International Journal of Peace Studies*, 2011, pp. 53-79; Korotayev, A.; Vaskin, I.; Bilyuga, S.; Ilyin, I. Economic Development and Sociopolitical Destabilization: a Re-Analysis // *Cliodynamics*, 2018, Vol. 9, No. 1, pp. 57-115; Коротаев А., Васькин И., Билюга С. Гипотеза Олсона-Хантингтона о криволинейной зависимости между уровнем экономического развития и социально-политической дестабилизацией: опыт количественного анализа // Социологическое обозрение. – 2017. – Т. 16. No. 1. – С. 9-49. [Korotayev, A.; Vaskin, I.; Bilyuga, S. Gipoteza Olsona-Huntingtona o krivolineinoi zavisimosti mezhdu urovnem ekonomicheskogo razvitiyai sotsial'no-politicheskoj destabilizatsie i: opyt kolichestvennogo analiza (Olson-Huntington hypothesis on a bell-shaped relationship between the level of economic development and sociopolitical destabilization: A quantitative analysis) // *Sotsiologicheskoe Obozrenie – Russian Sociological Review*, 2017, Vol. 16, No. 1, pp. 9-49.]; Коротаев А.В., Гринин Л.Е., Исаев Л.М., Билюга С.Э., Васькин И.А., Слинко Е.В., Шишкина А.Р., Мещерина К.В. Дестабилизация: глобальные, национальные, природные факторы и механизмы. – М.: Московская редакция издательства «Учитель», 2017. [Korotayev, A.V.; Grinin, L.E.; Issaev, L.M.; Bilyuga, S.E.; Vaskin, I.A.; Slinko, E.V.; Shishkina, A.R.; Meshcherina, K.V. Destabilizatsiya: global'nye, natsional'nye, prirodnye faktory i mekhanizmy (Destabilization of the Global, National, Environmental Factors, and Mechanisms). Moscow: Moskovskaya redaktsiya izdatel'stva «Uchitel'», 2017.]

²³ Заработная плата и коррупция: как платить российским чиновникам? Аналитический доклад / Индем. – М. 2002. Режим доступа: http://www.anti-corr.ru/indem/2002salary_corruption.htm [Zarabotnaya plata i korruptsiya: kak platiť rossiiskim chinovnikam? Analiticheskii doklad / Indem (Wages and Corruption: How to Pay Russian Bureaucrats? Analytical report. INDEM). Moscow: Indem, 2002. Mode of access: http://www.anti-corr.ru/indem/2002salary_corruption.htm]

²⁴ Mauro, P. Corruption and the Composition of Government Expenditure // *Journal of Public Economics*, 1997, Vol. 69, No. 2, pp. 263-279; UNODC = United Nations Office on Drugs and Crime. UN Anti-Corruption Toolkit. Vienna: United Nations Office on Drugs and Crime, 2004; Коротаев А.В., Халтурина Д.А. Современные тенденции мирового развития. – Москва: URSS, 2008. [Korotayev, A.V.; Khaltourina, D.A. Sovremennye tendentsii mirovogo razvitiya (Modern Trends of World Development). Moscow: URSS, 2008.]

²⁵ Maddison, A. Contours of the World Economy 1-2030 AD. Essays in Macro-Economic History. Oxford University Press, 2007.

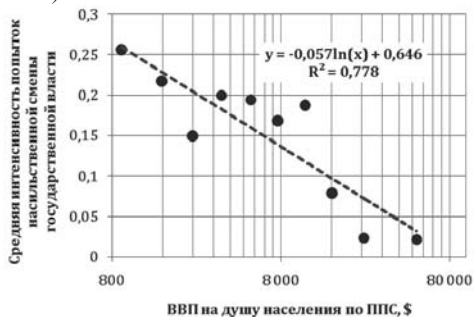
²⁶ Mauro, P. Corruption and Growth // *The Quarterly Journal of Economics*, 1995, Vol. 110, No. 3,

Рисунок 4

Корреляция ВВП на душу населения по ППС со средней интенсивностью попыток насильственной смены государственной власти, на соответствующий год, 1995-2015 гг.

(диаграммы рассеивания с наложенными контурами регрессий)

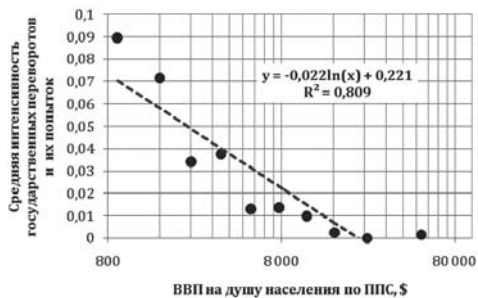
а)

Источники данных: World Bank 2018; Banks, Wilson 2018.

Примечание: $R^2 = 0,778$, $p < 0,001$ (логарифмическая регрессия).

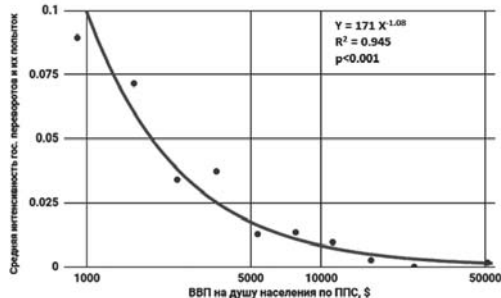
б)

Источники данных: World Bank 2018; Center for Systemic Peace 2018.

Примечание: $R^2 = 0,809$, $p < 0,001$ (логарифмическая регрессия)

в)

Источники данных: World Bank 2018; Center for Systemic Peace 2018.

Примечание: $R^2 = 0,945$, $p < 0,001$ (степенная регрессия)

Figure 4. Correlation of GDP Per Capita at PPP with the Average Intensity of Attempts to Forcibly Change State Power for the Corresponding Year, 1995-2015

Аналогично Рис. 2, на Рис. 4а представлены данные о попытках свержения местных и центральных органов власти, а на Рис. 4б и Рис. 4с – только центральной. Также аналогично Рис. 2, в первом случае связь близка к линейной или логарифмической, а во втором – нелинейной (экспоненциальной или обратной степенной), т.к. в странах с высоким уровнем ВВП на душу населения попытки свержения центральной власти любым путем являются исключительно редкими случаями.

При этом, как мы видим, при поделочном анализе корреляция между ВВП на душу населения по ППС и интенсивностью попыток насильственной смены государственной власти в обоих случаях оказывается сильной, а для случаев попыток свержения центральной власти – даже очень сильной ($R^2 = 0,945$). Очень высокий уровень детерминации, превосходящий уровень детерминации для уровня коррупции (Рис. 1с), требует совместного анализа их влияния для оценки роли каждого фактора.

Однако даже для общей суммы попыток свержения местной и центральной власти, различие между первым и последним децилями весьма велико. Если в 10 процентах «страно-лет» с самым низким значением ВВП на душу населения, попытки насильственной смены государственной власти фиксируются как один случай в 5 лет, то в 10 процентах «страно-лет» с самым высоким значением ВВП на душу населения, в среднем наблюдается около одной такой попытки в 50 лет. В целом же, ВВП на душу населения объясняет 72% дисперсии интенсивности попыток насильственной смены всех органов государственной власти и почти 95% дисперсии попыток насильственной смены центральных органов государственной власти по децилям. Это, в целом, неудивительно – высокий уровень ВВП на душу населения достигается в странах с устойчивой организацией государственной власти, и, наоборот, чем выше ВВП на душу населения, тем больше ресурсов в своем распоряжении имеет руководство страны, что естественно повышает его устойчивость²⁸.

²⁸ Вместе с тем, если брать только революции (в особенности по модели «центрального коллапса»), корреляция между подушевым ВВП и

ними окажется скорее криволинейной, чем отрицательной: «Революции чаще происходят не в самых бедных странах, а в странах со средним уровнем дохода» (Голдстоун Д.А. Революции. Очень краткое введение. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2015. [Goldstone, D.A. *Revolutsii. Ochen' kratkoevvedenie* (Revolutions. Avery ShortIntroduction). Moscow: Izd-voIn-ta Gaidara, 2015.]; см. также, например: Коротаев А.В., Исаев Л.М., Васильев А.М. Количественный анализ революционной волны 2013-2014 гг. // Социологические исследования. – 2015. – No. 8. – С. 119-127. [Korotayev, A.V.; Issaev, L.M.; Vasiliev, A.M. *Kolichestvennyi analiz revolyutsionnoy volny 2013-2014 gg.* (Quantitative Analysis of the Revolutionary Wave of 2013-2014) // *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*, 2015, No. 8, pp. 119-127.]. Дело в том, что для революции, понимаемой как «насильственное свержение власти, осуществляемое посредством массовой мобилизации... во имя социальной справедливости и создания новых политических институтов» (Голдстоун Д.А. Революции. Очень краткое введение. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2015. [Goldstone, D.A. *Revolutsii. Ochen' kratkoevvedenie* (Revolutions. AveryShortIntroduction). Moscow: Izd-vo In-ta Gaidara, 2015.]), кроме неустойчивости власти требуется ещё и массовая мобилизация, которая в самых бедных странах заметно менее вероятна, чем в странах среднеразвитых (см., например: Коротаев А.В., Билюга С.Э., Шишкина А.Р. ВВП на душу населения, уровень протестной активности и тип режима: опыт количественного анализа // Сравнительная политика. – 2016. – No. 4(26). – С. 72-94. [Korotayev, A.V.; Bilyuga, S.E.; Shishkina, A.R. *VVPnadushunaseleniya, uroven' protestnoiaktivnosti i tip rezhima: opyt kolichestvennogo analiza* // *Sravnitel'naya Politika – Comparative Politics Russia*, 2016, No. 4(26), pp. 72-94.]; Коротаев А.В., Билюга С.Э., Шишкина А.Р. ВВП на душу населения, интенсивность антиправительственных демонстраций и уровень образования. Кросс-национальный анализ // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». – 2017. – No. 1(84). – С. 127-143. Коротаев А.В., Билюга С.Э., Шишкина А.Р. ВВП на душу населения, интенсивность антиправительственных демонстраций и уровень образования. Кросс-национальный анализ // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». – 2017. – No. 1(84). – С. 127-143. [Korotayev, A.V.; Bilyuga, S.E.; Shishkina, A.R. *VVP na dushu naseleniya, intensivnost' antipravitel'stvennykh*

Бинарная логистическая регрессия также подтверждает тесную отрицательную связь между ВВП на душу населения и интенсивностью попыток насильственной смены руководства страны (см. Табл. 2).

Как мы видим, данные логистические регрессии показывают, что при увеличении ВВП на душу населения на один порядок, вероятность попытки насильственной смены государственной (как центральной, так и региональной) власти снижается почти в четыре раза. При этом для случаев свержения одной лишь центральной власти различие достигает почти десяти раз, т.е. возрастание ВВП на порядок снижает частоту попыток свержения центральной власти также практически на порядок.

Исходя из этих оценок, выполненных двумя способами, можно выдвинуть гипотезу о том, что интенсивность попыток насильственной смены руководства страны в реальности зависит не от уровня ее коррумпированности, а от уровня ее экономического развития, измеряемого уровнем душевного ВВП.

demonstratsii i uroven' obrazovaniya. Kross-natsional'nyi analiz (GDP per Capita, the Intensity of Anti-Government Demonstrations and Level of Education. Cross-National Analysis) // *Journal of political philosophy and sociology of politics "Politiya. Analysis. Chronicle. Forecast"*, 2017, No. 1(84), pp. 127-143.]; Коротаев А.В., Билюга С.Э., Шишкина А.Р. Экономический рост и социально-политическая дестабилизация: опыт глобального анализа // Полис. Политические исследования. – 2017. – No. 2. – С. 155-169. [Korotayev, A.V.; Bilyuga, S.E.; Shishkina, A.R. *Ekonomicheskii rost i sotsial'no-politicheskaya destabilizatsiya: opyt global'nogo analiza* (Correlation between GDP per capita and Protest Intensity: A Quantitative Analysis) // *Polis*, 2017, No. 2, pp. 155-169.]; Korotayev, A.; Grinin, L.; Bilyuga, S.; Meshcherina, K.; Shishkina, A. *Economic Development, Socio-political Destabilization and Inequality* // *The Russian Sociological Review*, 2017, Vol. 16, No. 3, pp. 9-35). Это не мешает корреляции между душевным ВВП и интенсивностью попыток насильственной смены власти оставаться отрицательной (так как революции среди всех успешных попыток насильственной смены руководства страны составляют во всех базах данных лишь небольшой процент).

Таблица 2

Результаты бинарной логистической регрессии для попыток насильственной смены государственной власти (зависимые переменные CNTSdomestic7 и «Перевороты и попытки переворотов» CSP – «0» – отсутствие, «1» – наличие) и для логарифма ВВП на душу населения по ППС в качестве независимой переменной

	Зависимые переменные:	
	CNTS domestic7	Перевороты и попытки переворотов CSP
Десятичный логарифм подушевого ВВП (в международных долларах 2011 г. по ППС)	-1,306 (0,131)	-2,276 (0,357)
Константа	2,845 (0,491)	4,275 (1,227)
Наблюдения	2 499	2 502
Логарифм максимального правдоподобия	1 554,617	367,866

Примечание: * $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$

Table 2. The Results of Binary Logistic Regression for Attempts to Change State Power and for the Logarithm of GDP Per Capita PPP as an Independent Variable

Для проверки этой гипотезы используем множественную логистическую регрессию с попытками насильственной смены государственной власти в качестве зависимой переменной, а также индексом коррумпированности и логарифмом ВВП на душу населения в качестве независимых переменных (см. Табл. 3).

Таблица 3

Результаты множественной логистической регрессии

(в модели рассматривались три переменных: в качестве зависимой переменной дихотомизированная переменная, отвечающая за попытки насильственной смены руководства страны [CNTSdomestic7 и «Перевороты и попытки переворотов» CSP «0» – отсутствие, «1» – наличие], в качестве независимых – индекс коррумпированности [«Коррупция»] и логарифм ВВП на душу населения)

	Зависимые переменные:	
	CNTS domestic7	Перевороты и попытки переворотов CSP
Коррупция	0,504 (0,068)	0,681 (0,220)
	1.655***	1.977***

Зависимые переменные:

	CNTS domestic7	Перевороты и попытки переворотов CSP
Десятичный логарифм подушевого ВВП (в международных долларах 2011 г. по ППС)	-0,390 (0,172)	-1,565 (0,428)
Константа	-3,946 (0,975)	-3,113 (2,535)
Наблюдения	2 499	2 461
Логарифм максимального правдоподобия	1 486,974	356,091

Примечание: * $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$

Table 3. Multiple Logistic Regression Results

Как мы видим, индекс коррумпированности весьма успешно выдерживает контроль на подушевой ВВП. При добавлении этого контроля сила индекса коррумпированности несколько уменьшается, но остается очень существенным фактором. Для попыток свержения местной и центральной власти увеличение индекса на один пункт приводит к росту вероятности попытки насильственной смены режима не на 78%, а на 66%, а попыток свержения только центральной власти – не в 2,5, а в 2 раза. Несколько более сильное воздействие введение контроля на коррумпированность оказывает на влияние подушевого ВВП. Для попыток свержения центральной власти увеличение подушевого ВВП на один порядок приводит к уменьшению вероятности таких попыток не в десять, а в пять раз, а для попыток свержения местных и центральных властей – уже не почти в четыре раза, а лишь на треть.

Для оценки потенциала снижения коррупции как возможного средства укрепления политической стабильности, вычислим такую же самую множественную логистическую регрессию, заменив индекс коррумпированности на 10-балльный индекс восприятия коррупции *Transparency International*, где 10 баллов означает предельно низкий уровень коррумпированности (таким образом, этот индекс можно рассматривать как «индекс некоррумпированности») (см. Табл. 4).

Таблица 4

Результаты множественной логистической регрессии

(в модели рассматривались три фактора: в качестве зависимой переменной дихотомизированная переменная, отвечающая за попытки насильственной смены руководства страны [CNTS domestic7 и «Перевороты и попытки переворотов» CSP – «0» – отсутствие, «1» – наличие]; в качестве независимых – Индекс восприятия коррупции Transparency International, 10-балльная шкала [«Некорруптированность»] и логарифм ВВП на душу населения)

	Зависимые переменные:	
	CNTS domestic7	Перевороты и попытки переворотов CSP
Некорруптированность	-0,504 (0,068) 0,604***	-0,681 (0,220) 0,506***
Десятичный логарифм подушевого ВВП (в международных долларах 2011 г. по ППС)	-0,390 (0,172) 0,677**	-1,565 (0,428) 0,209***
Константа	1,089 (0,562) 2,971*	3,700 (1,395) 40,459***
Наблюдения	2 499	2 502
Логарифм максимального правдоподобия	1 486,974	356,091

Примечание: * $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$

Table 4. Multiple Logistic Regression Results

Как мы видим, повышение позиции страны в рейтинге *Transparency International* на один балл (при контроле на подушевой ВВП) сопровождается снижением вероятности попытки насильственной смены местных и центральных органов государственной власти почти на 40%, то есть имеет эффект несколько более высокий, чем повышение подушевого ВВП на один порядок.

Для насильственных попыток смены только центральной власти влияние понижения коррупптированности на 2,5 балла примерно аналогично влиянию повышения подушевого ВВП на один порядок. Однако фактически шкала коррупптированности имеет длину в 8 баллов (реальные значения находятся в диапазоне от 0,5 до 8,5), а шкала десятичных логарифмов подушевого ВВП имеет длину максимум 4 единицы (от \$500 до \$50 000 в год), т.е. влияние снижения кор-

руптированности оказывается практически сопоставимым с эффектом роста ВВП и в последнем случае. А попытки свержения провинциальных властей в большей степени связаны с уровнем коррупптированности, чем с уровнем подушевого ВВП.

Обсуждение. Роль ценностных характеристик

Как показали проведенные исследования:

- количество переворотов и попыток переворотов на уровне провинциальных органов власти и особенно на уровне центрального правительства имеют сильную корреляцию как с уровнем коррупции, так и с ВВП на душу населения;

- уровень коррупции существенно коррелирован с уровнем ВВП на душу населения;

- анализ зависимостей количества переворотов и попыток переворотов от обоих факторов показывает, что и коррупптированность, и уровень ВВП на душу населения существенно влияют на количество переворотов и попыток переворотов;

- при этом в отношении попыток свержения центральной власти влияние уровня ВВП на душу населения оказывается немного сильнее, а в отношении свержения всех органов власти в совокупности, как центральных, так и местных, степень коррупптированности и оказывает большее воздействие.

Начнем обсуждение полученных зависимостей с оценки скорости изменений уровней восприятия коррупции. Как показал анализ данных *Transparency International*, лишь в малом числе стран за время проведения исследований произошли статистически значимые ($p < 0,01$) изменения восприятия коррупции на один пункт и более (или, соответственно, десять и более пунктов по новой шкале). Наиболее сильные изменения имели место в Уругвае (с 5,7 до 2,7, $p < 0,0001$), Гане (с 6,7 до 5,2, $p < 0,01$), Эстонии (с 4,4 до 3,1, $p < 0,001$), Ирландии (с 1,4 до 3,0, $p < 0,01$), Исландии (с 0,7 до 2,2, $p < 0,001$). В целом они говорят о снижении коррупции в ряде развивающихся странах и небольшом росте в части развитых стран, хотя есть и противоположные примеры –

Зимбабве (рост с 6 до 8, $p < 0,001$), и Бельгия (снижение с 4 до 2,5, $p < 0,001$). Однако в целом, этот медленно меняющийся показатель можно считать практически постоянным на интервале длительностью 15-20 лет, поэтому для анализа полученных зависимостей имеет смысл провести рассмотрение данных на не уровне «страно-лет», а на уровне стран за достаточно длительный период. Для проведения сопоставления в качестве основного периода был выбран интервал с 1995 г. по 2016 г., в течение которого были усреднены значения коррумпированности, ВВП на душу населения и темпа роста ВВП, а также просуммированы показатели, характеризующие изменения и попытки изменения политической власти. Выбор данного периода обусловлен, с одной стороны, длительностью проведения измерений уровня коррумпированности, а с другой стороны, желанием минимизировать влияние событий эпохи распада «второго мира» на показатели изменения политической власти.

Прежде всего, отметим, что хотя между уровнем коррумпированности и ВВП на душу населения существует тесная связь, связь между темпом роста ВВП и уровнем коррумпированности, часто обсуждаемая в публицистической и политологической литературе, отмеченная многими исследователями (см. выше), выделяется только при использовании сложных контролей множества факторов.

При однофакторной регрессии на уровне стран-лет коэффициент корреляции по абсолютной величине не превышает 0,005, а на уровне стран – он составляет 0,12-0,15 в зависимости от выбранного периода с уровнем значимости $p = 0,05-0,1$. Т.е. в более коррумпированных странах темпы роста экономик даже чуть выше, что, естественно, объясняется не положительным влиянием коррупции, а в первую очередь более быстрым экономическим ростом развивающихся стран (более коррумпированных, чем развитые) в последние десятилетия²⁹. Причем «положительное

влияние коррупции» усиливается с течением времени – если в работе, анализирующей данные 1980-1995 гг., отмечалось хоть малое, но все же отрицательное влияние коррупции на экономический рост, то в наших данных за 1995-2015 гг. фиксируется почти исключительно «положительное влияние».

На самом поверхностном уровне это связано с общим ускорением роста развивающихся экономик. На более глубоком уровне предложен целый ряд объяснений, из которых мы отметим лишь те, которые затрагивают основную тему статьи.

Во-первых, как отмечает ряд исследователей³⁰, уровень качества государственных институтов, и в том числе уровень коррумпированности влияют на скорость экономического роста лишь в весьма долгосрочной перспективе (более 15-20 лет), а в краткосрочной перспективе они влияют не на средние темпы роста, а на их устойчивость. Т.е. в течение периодов длительностью до 15-20 лет средний темп роста экономик не показывает значимой корреляции с качеством государственных институтов и уровнем коррупции, но вариации скорости роста существенно различаются. В коррумпированных странах тот же средний рост складывается из периодов прироста ВВП на 5-10 и более процентов и периодов спада, достигающих почти тех же значений, только с отрицатель-

²⁹ Коротаев А.В., Халтурина Д.А. Современные тенденции мирового развития. – Москва: URSS, 2008. [Korotayev, A.V.; Khaltourina, D.A. *Sovremennyye tendentsii mirovogo razvitiya* (Modern Trends of World Development). Moscow: URSS,

2008.]; Korotayev, A.; Zinkina, J.; Bogevojnov, J.; Malkov, A. Global Unconditional Convergence among Larger Economies after 1998? // *Journal of Globalization Studies*, 2011, Vol. 2, No. 2, pp. 25-62; Korotayev, A.; Zinkina, J. On the Structure of the Present-Day Convergence // *Campus-Wide Information Systems*, 2014, Vol. 31, No. 2, pp. 41-57; Korotayev, A.; Goldstone, J.; Zinkina, J.V. Phases of Global Demographic Transition Correlate with Phases of the Great Divergence and Great Convergence // *Technological Forecasting and Social Change*, 2015, No. 95, pp. 163-169; Grinin, L.; Korotayev, A. Great Divergence and Great Convergence. A Global Perspective. New York, NY: Springer, 2015.

³⁰ Khan, M. Governance, Economic Growth and Development since the 1960s. DESA Working Paper N. 54, 2007; Pritchett, L., Werker, E. Developing the guts of a GUT (Grand Unified Theory): elite commitment and inclusive growth. Brooks World Poverty Institute Working Paper Series, 2012.

ным знаком. Естественно, резкий спад экономики после подъема часто сопровождается утратой устойчивости всей государственной системы и чреват удачными и неудачными попытками переворотов. Неустойчивость экономической и политической систем коррумпированных государств охватывает не только периоды экономических провалов, попытки переворотов могут иметь место также и при медленных выходах из кризисов и других социально-политических проблемах, включая недовольство населения и части элиты коррумпированностью первых лиц страны. Связь частоты попыток свержения государственной власти с уровнем коррупции наглядно показывают наши тесты (Рис. 1, 4).

Эти рассуждения показывают, почему связь количества насильственных переворотов и попыток переворотов с ростом экономики более отчетливая, чем связь роста ВВП с коррупцией, но также весьма слабая. Даже на уровне децилей строно-лет коэффициент корреляции для общей совокупности попыток переворотов достигает 0,5-0,55 в зависимости от выбора периода наблюдений ($r = 0,12-0,14$). При этом сам уровень корреляции в немалой степени определяется частыми случаями резкого снижения ВВП в год переворота, т.е. нередко не спад ВВП ведет к смене политического режима, а, наоборот, бурные политические события – к спаду ВВП.

Важно отметить, что в отличие от успешных и неуспешных попыток свержения центральных властей, в отношении локальных властей связь их частоты с коррупцией проявляется сильнее, чем связь с уровнем ВВП на душу населения (см. Табл. 3 и Табл. 4). Точнее говоря, для коррупции сила связи в отношении общей совокупности примерно на четверть меньше по сравнению с попытками свержения центральной власти, а для уровня ВВП влияние просто несопоставимо – повышение подушевого ВВП на порядок ведет к сокращению количества попыток свержения центральной власти в пять раз, а всех властей, местных и центральных, – всего в полтора раза. Этот неожиданный на первый взгляд вывод показывает, что для именно коррумпированных стран, даже успешно развивающихся и об-

ладающих средним уровнем дохода, характерно существование провинций с весьма неустойчивой властью. Иначе говоря, коррумпированность тесно связана не только с большими временными вариациями политического и экономического состояния стран, но еще более – с существенными вариациями политического и экономического состояния отдельных регионов.

Во-вторых, как показывает более детальный анализ³¹, предсказуемость форм коррупции во многом снимает ее негативные стороны для инвесторов (а зачастую даже дает дополнительный доступ к наиболее выгодным проектам).

В-третьих, положительное влияние коррупции, равно как и ее наиболее предсказуемый характер³² характерны прежде всего для Восточной Азии и наименее характерны для Латинской Америки и Африки³³.

Исходя из этих данных, можно выдвигать два важных предположения.

1. Во-первых, для каждого уровня экономического развития есть свои пределы степени коррумпированности и неустойчивости экономического развития и государства в целом, которые не представляют значительных препятствий для экономического роста, во всяком случае – на интервалах времени до 15-20 лет. Это предположение на первый взгляд представляется весьма сложным и неочевидным, однако его весьма наглядным

³¹ Gyimah-Brempong, K., Samaria M. de C. Corruption, Growth, and Income Distribution: Are there Regional Differences? // *Economics of Governance*, 2006, No. 7(3), pp. 245-269; Campos, J.E.; Lien, D.; Pradhan, S. The Impact of Corruption on Investment: Predictability Matters // *World Development*, 1999, Vol. 27, No. 6, pp. 1059-1067; Paldam, M. The Cross-Country Pattern of Corruption: Economics, Culture and the Seesaw Dynamics // *European Journal of Political Economy*, 2002, Vol. 18, No. 2, pp. 215-240.

³² Campos, J.E.; Lien, D.; Pradhan, S. The Impact of Corruption on Investment: Predictability Matters // *World Development*, 1999, Vol. 27, No. 6, pp. 1059-1067.

³³ Njoku, C.I., Bondarenko, D.M. State Building, States, and State Transformation in Africa: Introduction. *Social Evolution & History*, 2018, Vol. 17, No. 1, pp. 3-15.

подтверждением является очень высокий уровень корреляции между агрегированными по децилям уровнями коррупции и подушевого ВВП – $r = 0,991$ (см. Рис. 3). При этом достижение определенного уровня экономического развития (в современном мире – на уровне приблизительно 20-25 тыс. долларов по ППС) либо напрямую способствует резкому снижению коррупции (коррупция становится помехой деловой жизни), либо стимулирует государственные органы, политические и общественные организации к более интенсивной и эффективной борьбе с коррупцией (т.е. повышению качества и устойчивости политических институтов), что ведет к резкому снижению количества попыток насильственного свержения / насильственной смены руководства государств. Есть основания предполагать, что это является одной из причин, почему Россия с достаточно высокой коррумпированностью (7,1-7,3) замедлилась или даже остановилась в своем экономическом росте именно на данном уровне³⁴.

Подтверждением этих тезисов является также существенный рост вариации уровней ВВП и роста ВВП с увеличением степени коррумпированности. В таблице 5 представлены показатели 168 стран³⁵, охватывающие уровень ВВП на душу населения, рост ВВП, вариацию этих величин, а также три показателя устойчивости режимов – значение переменной *CNTS domestic*³⁶, количество удачных и неудачных попыток переворотов

по базе *CSP*³⁷, а также суммарное значение изменений показателя в базе *Polity IV*³⁸.

Легко видеть, что наиболее монотонный характер носят связи уровня коррумпированности, подушевого ВВП и показателей неустойчивости режимов. Также достаточно отчетливо проявляется увеличение вариации уровня ВВП на душу населения и темпа роста ВВП с увеличением коррумпированности. Таким образом, с ростом коррумпированности (исключая разве наиболее коррумпированные страны) растет количество и контрастность вариантов траекторий трансформации – быстрый экономический рост при устойчивом политическом строе или при его изменении, медленный рост или даже отсутствие роста при политических переменных или без них и т.д.. При этом максимальные темпы роста наблюдаются в среднем у стран, имеющих достаточно высокие уровни коррупции (в диапазоне от 4 до 7), однако, несмотря на высокие темпы роста многих стран с уровнем коррупции 6-7, в целом доля устойчивых политических режимов в этом диапазоне резко сокращается.

³⁴ Лишь немногие страны сумели преодолеть этот рубеж, не снижая уровня коррумпированности, в их число прежде всего входят богатые нефтяные страны Персидского залива и страны Южной и Восточной Европы, входящие в ЕС и пользующиеся его экономической и институциональной помощью, причем в основном эти страны имеют уровни коррумпированности в диапазоне 5-6, т.е. на 1,5-2 единицы ниже, чем Россия.

³⁵ При этом данные по ВВП самых богатых нефтяных стран Персидского залива (Катар, ОАЭ, Оман, Бахрейн, Кувейт, Саудовская Аравия) исключены из рассмотрения.

³⁶ Banks, A.S.; Wilson, K.A. Cross-National Time-Series Data Archive. Databanks International. Jerusalem, Israel. Mode of access: <http://www.databanksinternational.com>.

³⁷ Center for Systemic Peace. Coups d'Etat, 1946-2016. Vienna, VA: Center for Systemic Peace, 2018. Mode of access: <http://www.systemicpeace.org/inscr/CSPCoupsListv2016.xls>.

³⁸ Polity IV. Polity IV project: Political regime characteristics and transitions. 2018. Retrieved from <http://www.systemicpeace.org/polity/polity4.htm>.

Таблица 5

Изменения показателей экономического развития и устойчивости политических режимов с ростом коррумпированности

Показатели	Уровень коррумпированности					
	0,5 – 2	2 – 3,5	3,5 – 5	5 – 6	6 – 7	7 – 8,5
Количество стран	13	11	17	22	41	64
Среднее значение ВВП на душу населения по ППС в постоянных долларах 2011 года, тыс.	46,3	33,0	18,9	17,1	8,0	4,9
Стандартное отклонение, тыс. долл.	14,8	10,8	10,1	7,5	5,4	4,8
Коэф. вариации	0,31	0,33	0,54	0,43	0,67	0,98
Средний % роста ВВП	1,63	1,51	2,45	2,74	2,72	2,26
Стандартное отклонение, %	0,54	0,99	1,49	1,37	2,12	2,32
Коэф. вариации	0,33	0,59	0,61	0,51	0,78	1,03
Среднее значение переменной <i>CNTS domestic7</i> (<i>Banks, Wilson 2018</i>)	0	0,08	1,0	1,0	3,79	5,03
Среднее количество удачных и неудачных попыток переворотов по базе CSP (<i>Centerfor-SystemicPeace 2018</i>)	0	0	0,14	0,1	0,28	1,15
Среднее суммарное значение изменений показателя в базе <i>PolityIV</i> (2018)	0	0,08	0,5	1,0	1,92	3,02
Доля стран, в которых не было насильственных свержений местных и центральных властей и попыток их совершения	1,0	0,91	0,79	0,85	0,41	0,20

Table 5. Changes in Indicators of Economic Development and Sustainability of Political Regimes with Increasing Corruption

Суммируя вместе эти тенденции, можно разделить страны на 4 группы:

1). Высокоразвитые страны с уровнем коррупции менее 3,5, устойчивыми политическими режимами (в подавляющем большинстве стран – либеральные демократии) и невысокими, но достаточно устойчивыми темпами роста.

2). Среднеразвитые страны с уровнем коррупции 3,5-6, в среднем с более высокими темпами роста и большей их вариацией. Среди них попытки насильственных изменений режима в центре или на окраинах страны имели место в 15-20% стран.

3). Развивающиеся коррумпированные страны с уровнем коррупции 6-7 и также в среднем высокими темпами роста, хотя и резко варьирующими от страны к стране. В большинстве стран этой группы (60%) имели место попытки насильственных изменений режима, хотя лишь в четверти стран они затронули центральные правительства.

4). Наиболее коррумпированные и наиболее бедные страны. В среднем для них характерен несколько меньший, но также достаточно высокий темп роста ВВП и еще большие вариации темпов роста от страны к стране. При этом политические режимы

весьма неустойчивы, в 80% имели место попытки насильственных изменений режима, и примерно в половине стран они затронули центральные правительства.

Таким образом, коррупция в целом оказывает малое влияние на средние темпы экономического роста, но оказывает тройное негативное влияние на устойчивость развития:

– существенно увеличивает разброс траекторий экономических трансформаций: среди стран с высоким уровнем коррупции наблюдаются как весьма успешно развивающиеся страны, начиная с Китая и Индии, и страны, показавшие за двадцать лет практически нулевой рост ВВП;

– даже в успешно развивающихся коррумпированных странах темпы развития носят, как правило, неравномерный характер; быстрый рост чередуется остановками развития и глубокими кризисами;

– для коррумпированных стран характерна неравномерность политического и экономического состояния отдельных регионов, наличие регионов с весьма неустойчивой властью.

Именно это тройное влияние коррумпированности на предсказуемость и устой-

чивость экономической и политической конъюнктуры, а не непреодолимые препятствия, которые якобы создает коррупция на пути экономического роста, обуславливает частоту попыток государственных переворотов в странах низкого и среднего уровня экономического развития. В 75% стран в каждой из последних двух групп изменялось значение в базе *PolityIV*³⁹. В то же время даже в самой коррумпированной группе стран насильственные перемены и попытки насильственных перемен центрального правительства имели место лишь в половине государств. Поэтому высокую коррумпированность надо рассматривать как весьма важный фактор риска, но не как предсказание переворотов и попыток переворотов и, тем более, низких темпов экономического роста.

2. Во-вторых, большие различия между влиянием коррупции на экономический рост в разных регионах и разное влияние предсказуемой и непредсказуемой коррупции на экономический рост показывают существенное воздействие культурных особенностей разных стран на изучаемые зависимости, в первую очередь на связи частоты попыток государственных переворотов с уровнем коррупции и экономическим развитием. В качестве основы для анализа были выбраны параметры теории культурной модернизации Р. Инглхарта и К. Вельцеля в первую очередь из-за их опоры на обширную эмпирическую базу, охватывающую длительный период и, главное, за малыми исключениями почти весь список стран, включенных в наш анализ⁴⁰.

³⁹ Polity IV. Polity IV project: Political regime characteristics and transitions. 2018. Retrieved from <http://www.systemicpeace.org/polity/polity4.htm>.

⁴⁰ Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития. – М.: Новое издательство, 2011. [Inglehart, R.; Welzel, C. Modernizacija, kul'turnye izmenenija i demokratija (Modernization, Cultural Change, and Democracy. The Human Development Sequence). Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2011.]; Welzel, C.; Inglehart, R. Liberalism, Postmaterialism, and the Growth of Freedom // *International Review of Sociology*, 2005, Vol. 15, No. 1, pp. 81-108.

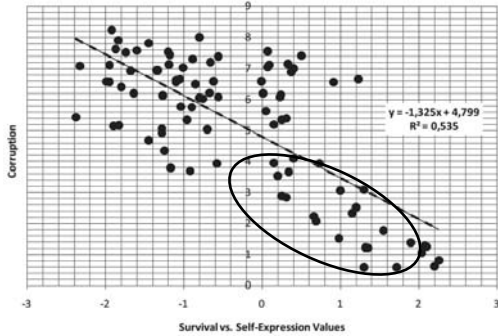
На первом этапе усредненные индексы восприятия коррупции сопоставлялись с данными последней законченной и самой полной на сегодняшний день шестой волны исследований (2010-2014 гг.). Анализ показал, что индекс восприятия коррупции имеет значимую, хотя и не очень существенную корреляцию с показателем *Traditional vs. Secular-Rational Values* ($r = -0,46$, $R^2_{adj} = 0,22$) и более высокую – с показателем *Survival vs. Self-Expression Values* ($r = -0,73$, $R^2_{adj} = 0,54$). Для контроля были также оценены корреляция с параметрами четвертой волны (1999-2004 гг.), охватившей примерно 70% стран из списка стран шестой волны, коэффициенты корреляции оказались достаточно близки к полученным выше (соответственно $r = -0,49$ и $r = -0,765$).

Хотя коэффициент корреляции индекса восприятия коррупции с показателем *Survival vs. Self-Expression Values* достаточно высок (см. Рис. 5), исключение стран, помещенных в овал со значениями индекса ≤ 4 , практически полностью уничтожает эту связь. Если для стран внутри овала коэффициент корреляции составляет $r = -0,82$ ($p < 0,001$), то для оставшихся стран корреляция отсутствует ($r = -0,03$). В составе стран из овала резко преобладают развитые западные страны, исключение составляют лишь сверхбогатый Катар (в 2016 году ВВП на душу населения составило \$118 тыс.), Мальта (\$36 тыс.) и две самые развитые страны Латинской Америки, недавно вошедшие в этот список, – уже упоминавшийся выше Уругвай (\$20 тыс.) и Чили (\$23 тыс.). При этом из перечисленных стран только в Чили и Испании за изучаемый период (1960-2016 гг.) имели место государственные перевороты и попытки переворотов⁴¹. Поэтому при рассмотрении связи успешных и безуспешных попыток насильственного свержения правящих режимов с уровнем коррумпированности и другими показателями эти страны могут быть исключены без особого ущерба для полноты анализа.

⁴¹ Согласно значениям переменной *domestic7* базы данных CNTS в этот список должны быть включены также Германия и Великобритания, но фактически эти попытки затрагивали либо другую страну (ГДР), либо периферийный регион (Северную Ирландию).

Рисунок 5

Корреляция Индекса коррумпированности с социокультурной характеристикой Survival vs. Self-Expression Values Инглхарта и Вельзеля
(диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии)

Источники данных: World Values Survey Association 2018 (шестая волна [2010-2014 гг.]); Corruption Perception Index 2018.

Примечание: $r = 0,731$, $R^2 = 0,535$, $p < 0,001$.

Figure 5. Correlation of the Corruption Index with the Socio-Cultural Characteristics of Survival vs. Inglehart and Welzel's Self-Expression Values

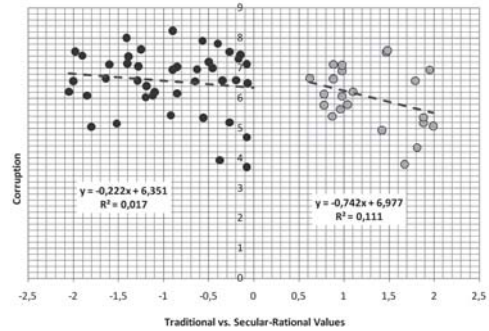
Рассмотрим связь оставшихся стран с другим индексом Р. Инглхарта и К. Вельзеля – «традиционные vs. секулярно-традиционные ценности» (*Traditional vs. Secular-Rational Values*). Как видно на Рис. 6, эти страны четко разделились на две группы. При этом у первой более традиционалистской группы корреляция данного показателя с уровнем коррумпированности отсутствует, а у второй – наблюдается слабая и лишь marginально значимая корреляция (одностороннее значение $p = 0,06$).

Проведем для этих двух групп расчеты, аналогичные представленным в Таблице 5. Как видно из Таблицы 6 (левые колонки), несмотря на близкие значения уровня коррупции, вторая более рационалистическая группа имеет несколько более высокий уровень ВВП на душу населения, более высокий темп роста ВВП, а также значительно меньшее количество попыток свержения власти, причем наибольшие различия наблюдаются в отношении попыток свержения центральной власти. Если в первой группе попытки свержения центральной власти имели место в каждой третьей стране, то во второй с более рациональными ценностями – лишь в 10% стран. Несмотря на малые различия

Рисунок 6

Корреляция Индекса коррумпированности с социокультурной характеристикой Traditional vs. Secular-Rational Values Инглхарта и Вельзеля

(Светлым цветом показана группа стран с более рационалистическими ценностями, а темным – с более традиционалистскими)

Источники данных: World Values Survey Association 2018 (шестая волна [2010-2014])

Figure 6. Correlation of the Corruption Index with the Socio-Cultural Characteristics of Traditional vs. Inglehart and Velzel Secular-Rational Values

уровня коррупции по проведенной выше классификации более традиционалистская группа по своим характеристикам находится между третьей и четвертой группами, а более рационалистическая группа – между второй и третьей, причем по скорости роста экономик она существенно превосходит все значения, представленные в таблице 5. Таким образом, в современном мире традиционалистские ценности оказываются не фактором стабильности, а, наоборот, предиктором попыток переворотов, свержения региональных и центральных властей. Взгляд на эту закономерность под другим углом зрения, коррелирующим с выводами некоторых исследователей⁴², состоит в том, что при более рациональных ценностях сама коррупция носит более предсказуемый характер, не оказывает такого влияния на устойчивость государства и не препятствует экономическому росту.

⁴² Gyimah-Brempong, K., Samaria M. de C. Corruption, Growth, and Income Distribution: Are there Regional Differences? // *Economics of Governance*, 2006, No. 7(3), pp. 245-269.

Изменения показателей экономического развития и устойчивости политических режимов в зависимости от преобладающих ценностей по классификации Инглхарта и Велцеля

Показатели	Традиционные vs. секулярно-рациональные ценности		Ценности выживания vs. ценности самовыражения	
	Традиционные	Секулярно-рациональные	Ц. выживания	Ц. самовыражения
Традиционные vs. секулярно-рациональные ценности ¹	-0,93	1,26	0,03	-0,84
Ц. выживания vs. Ц. самовыражения	-0,69	-1,18	-1,29	0,31
Количество стран	42	21	46	17
Уровень коррумпированности	6,56	6,10	6,38	6,46
Среднее значение ВВП на душу населения по ППС в постоянных долларах 2011 года, тыс.	10,6	15,8	12,1	13,0
Стандартное отклонение, тыс. долл.	8,7	8,5	9,0	9,1
Коэф. вариации	0,82	0,53	0,74	0,70
Средний % роста ВВП	2,58	3,89	3,38	2,05
Стандартное отклонение, %	2,00	2,19	2,29	1,32
Коэф. вариации	0,83	0,56	0,74	0,70
Среднее значение переменной <i>CNTS domestic</i> ⁷	4,61	1,14	2,56	3,14
Среднее значение удачных и неудачных попыток переворотов по базе CSP	0,47	0,10	0,30	0,22
Среднее суммарное значение изменений показателя в базе <i>PolityIV</i>	2,11	1,40	1,91	1,82
Доля стран, в которых не было насильственных свержений местных и центральных властей и попыток их совершения	0,33	0,57	0,39	0,38
Доля стран, в которых не было насильственных свержений центральной власти и попыток их совершения	0,67	0,90	0,76	0,71

Table 6. Changes in Indicators of Economic Development and Sustainability of Political Regimes Depending on Prevailing Values According to Inglehart and Welzel Classification

Как видно из Рисунка 5, исключение-развитых стран, обведенных овалом, также довольно отчетливо делит страны на две сопоставимые по размеру группы. В одну группу попадают страны с отрицательными значениями характеристики *Survival vs. Self-Expression Values*, а в другую – с нулевыми и положительными значениями. Расчеты, аналогичные проведенным выше (Таблица 6, правые колонки), показывают, что обе группы имеют равный уровень коррумпированности, равные средние величины ВВП на душу населения и приблизитель-

но одинаковые показатели политической устойчивости режимов. Однако при этом группа с ценностями самовыражения имеет меньшую скорость экономического роста, приблизительно промежуточную между развитыми и развивающимися странами. Таким образом, согласно этим наблюдениям получается, что преждевременный переход к ценностям самовыражения в отличие от перехода к рационалистическим ценностям не способствует политической стабильности и замедляет экономический рост. При этом в государствах низкого и среднего

уровня экономического развития ценности самовыражения и выживания не оказывают значимого влияния на вариацию величин экономического развития и экономического роста и, соответственно, на связь степени коррумпированности с частотой попыток свержения государственной власти.

Важно отметить, что обе закономерности – вредное влияние на экономический рост преждевременного перехода к ценностям самовыражения, а также аналогичный эффект длительного сохранения традиционалистских ценностей, сопровождающийся вдобавок нестабильностью политической системы и частотой попыток свержения власти, – могут рассматриваться в качестве одного из механизмов формирования т.н. «ловушки средних доходов»⁴³. В наибольшей степени это относится к латиноамериканским странам, для которых как раз характерен традиционализм в сочетании с переходом к ценностям самовыражения на

достаточно низком уровне экономического развития⁴⁴. Исходя из отмеченной выше высокой коррелированности уровней коррумпированности и экономического развития, конечным пунктом этой ловушки может стать неприемлемо высокий уровень коррумпированности при достижении критического значения подушевого ВВП, составляющего в настоящее время в долларах 2011 г. приблизительно 20-25 тыс. в год на душу населения. Если достижение этих значений не будет сопровождаться резким снижением уровня восприятия коррупции до 4-5 и менее, то весьма вероятны существенное замедление или даже полная остановка экономического роста, также повышающие риск политической дестабилизации и попыток насильственной смены провинциального или даже центрального руководства страны.

Заключение

1. Установлено, что вероятности попыток свержения местных и центральных властей существенно коррелированы как с уровнем коррумпированности (обратным индексом восприятия коррупции CPI, оцениваемом по 100-бальной или 10-бальной шкале), так и с уровнем подушевого ВВП. Коэффициенты детерминации при агрегировании данных по децилям составляют 0,75-0,8 для уровня коррумпированности и 0,8-0,95 для логарифма ВВП на душу населения (большие значения относятся к попыткам свержения центральной власти), причем чем сильнее корреляция, тем отчетливее проявляется ее нелинейный характер – действительно частые попытки свержения центральной власти характерны только для бедных и коррумпированных стран.

2. При этом оба показателя находятся в очень тесной корреляции между собой, при подецильном агрегировании коэффициент

⁴³ Напомним, что «ловушка средних доходов» (*middle income trap*) представляет собой «такой феномен, когда до какого-то времени росшие быстро экономики стагнируют на средних уровнях подушевого дохода и не могут осуществить переход в ряду стран с высокими подушевыми доходами» [Aiyar, S.; Duval, R.; Puy, D.; Wu, Y. Zhang L. Growth Slowdownsand the Middle-IncomeTrap. IMF Working Paper No. WP/13/71. Washington, DC: International Monetary Fund, 2013. P. 3.]. Описание ряда факторов и механизмов этой ловушки см., например, в следующих работах: Коротаев А., Васкин И., Билога С. Гипотеза Олсона-Хантингтона о криволинейной зависимости между уровнем экономического развития социально-политической дестабилизацией: опыт количественного анализа // Социологическое обозрение. – 2017. – Т. 16. No. 1. – С. 9-49. [Korotayev, A.; Vaskin, I.; Bilyuga, S. Gipoteza Olsona-Huntingtona o krivolineinoi yavisimosti mezhd u urovnem ekonomicheskogo razvitiya i sotsial'no-politicheskoi destabilizatsiei: opyt kolichestvennogo analiza (Olson-Huntington hypothesis on a bell-shaped relationship between the level of economic development and sociopolitical destabilization: A quantitative analysis) // *Sotsiologicheskoe Obozrenie – Russian Sociological Review*, 2017, Vol. 16, No. 1, pp. 9-49.]; Kharas, Kohli 2011; Kohli, Mukherjee 2011; The World Bank and the Development Research Center of the State Council of the People's Republic of China. 2012; Cai 2012; Korotayev, Vaskin, Bilyuga 2018.

⁴⁴ В то же время это сочетание не является фатальным; как указывалось выше, две наиболее развитые страны Латинской Америки, Уругвай и Чили, успешно вышли из ловушки и вошли в группу низкокоррумпированных стран с устойчивым экономическим ростом (овал на рис. 5).

корреляции достигает 0,99. Страны с высоким уровнем подушевого ВВП (более 20-25 тыс. долларов в ценах 2011 г.) имеют уровень восприятия коррупции (т.е. индекс некорруптированности) не ниже 60-65, исключения из этого правила в основном составляют богатые нефтяные страны Персидского залива и страны Южной и Восточной Европы, входящие в ЕС и пользующиеся его экономической и институциональной помощью.

3. Совместный анализ зависимостей количества переворотов и попыток переворотов от обоих факторов показал, что ни один из них не является доминирующим. При этом в отношении попыток свержения центральной власти влияние уровня ВВП на душу населения оказывается немного сильнее, а в отношении свержения всех органов власти в совокупности, как центральных, так и местных, степень коррупптированности оказывает большее воздействие. Увеличение индекса восприятия коррупции (т.е. индекса некорруптированности) на 10 баллов по 100-балльной шкале приводит к снижению вероятности попытки насильственной смены режима на 40% и двукратному снижению частоты попыток свержения центральной власти. Повышение ВВП на один порядок снижает на одну треть частоту попыток всех свержения власти и в пять раз – частоту попыток свержения центральной власти.

4. Несмотря на полученные выше столь сильные взаимосвязи уровня коррупптированности, уровня подушевого ВВП и частоты попыток свержения власти, средняя скорость роста ВВП не имеет устойчивой связи с корруппцией и слабо коррелирована с частотой попыток насильственного свержения органов государственной власти.

5. Уровень коррупптированности оказывает тройное влияние на устойчивость развития – существенно увеличивает разброс траекторий экономических трансформаций (среди стран с высоким уровнем коррупции наблюдаются как весьма успешно развивающиеся страны, начиная с Китая и Индии, и страны, показавшие за двадцать лет практически нулевой рост ВВП); даже в успешно развивающихся коррупптированных странах темпы развития носят, как правило, неравномерный характер, быстрый рост чере-

дуется остановками развития и глубокими кризисами; для коррупптированных стран характерна неравномерность политического и экономического состояния отдельных регионов, наличие регионов с весьма неустойчивой властью.

6. Именно это тройное влияние коррупптированности на предсказуемость и устойчивость экономической и политической конъюнктуры, а не непреодолимые препятствия, которые якобы создает корруппция на пути экономического роста, обуславливает частоту попыток государственных переворотов в коррупптированных странах низкого и среднего уровня экономического развития. Однако даже в самой коррупптированной группе стран (индекс восприятия коррупции (т.е. индекс некорруптированности) ниже 30) за двадцать последних лет попытка насильственных перемен центрального правительства имели место лишь в половине государств (и в 80% стран – любых органов власти). Поэтому высокую коррупптированность надо рассматривать как весьма важный фактор риска, но не как предсказание переворотов и попыток переворотов и, тем более, низких темпов экономического роста.

7. Существенная вариация траекторий развития сильно коррупптированных стран, большие различия между странами из разных культурных регионов и частей света указывают на связь характера влияния коррупптированности на устойчивость экономического развития и стабильность государственной власти с иными факторами, прежде всего культурными особенностями и ценностными представлениями. Исследования показали, что они носят сложный характер. В группе развитых стран с уровнем восприятия коррупции (т.е. индексом некорруптированности) от 60 баллов и выше наблюдается существенная положительная корреляция между некорруптированностью и ценностями самовыражения (по Инглхарту и Вельцелю). Во второй группе, включающей все остальные страны, ни приверженность ценностям самовыражения, ни рациональным секулярным ценностям не оказывают значимого влияния на уровень коррупптированности, зато они существенно

вливают на темпы экономического роста и частоту попыток свержения власти.

8. По обеим основным ценностным осям Инглхарта и Вельцеля (традиционализм vs. рациональность и выживание vs. самовыражение) вторая группа стран отчетливо делится на две подгруппы. Во всех четырех подгруппах средний уровень восприятия коррупции примерно одинаковый (33-39 баллов), но по остальным показателям наблюдаются существенные различия. В более рационалистической группе всего в 10 % имели место попытки свержения центральной власти против 33% в традиционалистской, а средняя скорость экономического роста за 20 лет составляет 3,9% в год против 2,6%. В то же время в подгруппах с ценностями самовыражения и выживания наблюдается примерно одинаковый уровень частоты попыток свержения местных и центральных властей, а скорость экономического роста в подгруппе выживания составляет 3,4% против 2,05% в группе выражения. Иначе говоря, для устойчивости власти и быстрого экономического роста полезен отказ от традиционализма и вреден слишком ранний переход к ценностям самовыражения.

9. Сочетание традиционализма с ранним переходом к ценностям самовыражения, наиболее характерное для латиноамериканских стран, может рассматриваться в качестве одного из механизмов формирования т.н. «ловушки средних доходов». Другой такого рода механизм связан с тем обстоятельством, что медленный и неустойчивый рост экономики, сопровождающийся политической нестабильностью, может привести к полной остановке развития на уровне подушевого ВВП 20-25 тыс. в год, если не будет сопровождаться повышением уровня восприятия коррупции до 50-60 баллов и более. Есть основания предполагать, что современная Россия с подушевым ВВП около 25 тыс. долл. в год и уровнем восприятия коррупции (= индексомнекорруптированности) менее 30 баллов, может находиться именно в такой ситуации.

Литература:

Голдстоун Д.А. Революции. Очень краткое введение. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2015.

Заработная плата и коррупция: как платить российским чиновникам? Аналитический доклад / Индем. – М. 2002. Режим доступа: http://www.anti-corr.ru/indem/2002salary_corruption.htm

Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития. – М.: Новое издательство, 2011.

Коротаев А., Васькин И., Билога С. Гипотеза Олсона-Хантингтона о криволинейной зависимости между уровнем экономического развития и социально-политической дестабилизацией: опыт количественного анализа // Социологическое обозрение. – 2017. – Т. 16. No. 1. – С. 9-49.

Коротаев А.В., Билога С.Э., Шишкина А.Р. ВВП на душу населения, интенсивность антиправительственных демонстраций и уровень образования. Кросс-национальный анализ // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». – 2017. – No. 1(84). – С. 127-143.

Коротаев А.В., Билога С.Э., Шишкина А.Р. ВВП на душу населения, уровень протестной активности и тип режима: опыт количественного анализа // Сравнительная политика. – 2016. – No. 4(26). – С. 72-94.

Коротаев А.В., Билога С.Э., Шишкина А.Р. Экономический рост и социально-политическая дестабилизация: опыт глобального анализа // Полис. Политические исследования. – 2017. – No. 2. – С. 155-169.

Коротаев А.В., Гринин Л.Е., Исаев Л.М., Билога С.Э., Васькин И.А., Слинько Е.В., Шишкина А.Р., Мещерина К.В. Дестабилизация: глобальные, национальные, природные факторы и механизмы. – М.: Московская редакция издательства «Учитель», 2017.

Коротаев А.В., Исаев Л.М., Васильев А.М. Количественный анализ революционной волны 2013-2014 гг. // Социологические исследования. – 2015. – No. 8. – С. 119-127.

Коротаев А.В., Халтурина Д.А. Современные тенденции мирового развития. – Москва: URSS, 2008.

Цирель С.В. К истокам украинских революционных событий 2013-14 гг. // Polit.ru. 2014. Режим доступа: <http://polit.ru/article/2014/06/08/ukraine/>

Цирель С.В. Революционные ситуации, революции и волны революций: условия, закономерности, примеры // Ойкумена. Вып. 8 / Науч. ред., сост. А.А. Фисун. – Харьков. 2011. – С. 174-209.

Acemoglu, D.; Robinson, J. The Role of Institutions in Growth and Development. Washington, DC: World Bank, 2010.

Aiyar, S.; Duval, R.; Puy, D.; Wu, Y. Zhang L. Growth Slowdowns and the Middle-Income Trap. IMF Working Paper No. WP/13/71. Washington, DC: International Monetary Fund, 2013.

Banks, A.S.; Wilson, K.A. Cross-National Time-Series Data Archive. Databanks International. Jerusalem, Israel. Mode of access: <http://www.databanksinternational.com>

Belkin, A.; Schofer, E. Toward a Structural Understanding of Coup Risk // Journal of Conflict Resolution, 2003, No. 47(5), pp. 594-620.

Bertrand, M.; Luttmer, E.F.P.; Mullainathan, S. Network Effects and Welfare Cultures // The Quarterly Journal of Economics, 2000, No. 115(3), pp. 1019-1055.

Bicchieri, C.; Rovelli, C. Evolution and Revolution: The Dynamics of Corruption // Rationality and Society, 1995, No. 7(2), pp. 201-224.

Bouziid, B. Using a Semi-Parametric Analysis to Understand the Occurrence of Coups d'état in Developing

- Countries // *International Journal of Peace Studies*, 2011, pp. 53-79.
- Buonanno, P.; Montolio, D.; Vanin, P. Does Social Capital Reduce Crime? // *The Journal of Law and Economics*, 2009, Vol. 52, No. 1, pp. 145-170.
- Cai, F. Is There a "Middle-Income Trap"? Theories, Experiences and Relevance to China // *China & World Economy*, 2012, Vol. 20, No. 1, pp. 49-61.
- Campos, J.E.; Lien, D.; Pradhan, S. The Impact of Corruption on Investment: Predictability Matters // *World Development*, 1999, Vol. 27, No. 6, pp. 1059-1067.
- Center for Systemic Peace. Coups d'Etat, 1946-2016. Vienna, VA: Center for Systemic Peace, 2018. Mode of access: <http://www.systemicpeace.org/inscr/CSPCoupsListv2016.xls>
- Cherny, R.W. American Politics in the Gilded Age: 1868-1900. N.Y.: Wiley, 1997.
- Goldstone, J. Protests in Ukraine, Thailand and Venezuela: What Unites them? // *Russia Direct*, 2014. Mode of access: <http://www.russia-direct.org/content/protests-ukraine-thailand-and-venezuela-what-unites-them>
- Goldstone, J.A. Understanding the Revolutions of 2011: Weakness and Resilience in Middle Eastern Autocracies // *Foreign Affairs*, 2011, No. 90, pp. 8-16.
- Grinin, L.; Korotayev, A. Great Divergence and Great Convergence. A Global Perspective. New York, NY: Springer, 2015.
- Gyimah-Brempong, K., Samaria M. de C. Corruption, Growth, and Income Distribution: Are there Regional Differences? // *Economics of Governance*, 2006, No. 7(3), pp. 245-269.
- Hessami, Z. Political Corruption, Public Procurement, and Budget Composition: Theory and Evidence from OECD Countries // *European Journal of Political Economy*, 2014, No. 34, pp. 372-389.
- Ionescu, L. Corruption, Unemployment, and the Global Financial Crisis // *Economics, Management and Financial Markets*, 2012, Vol. 7, No. 3, pp. 127-133.
- Khan, M. Governance, Economic Growth and Development since the 1960s. DESA Working Paper N. 54, 2007.
- Kharas, H.; Kohli, H. What Is the Middle Income Trap, Why Do Countries Fall into it, and How Can It Be Avoided // *Global Journal of Emerging Market Economies*, 2011, Vol. 3, No. 3, pp. 281-289.
- Khestanov, R. Corruption and Revolution as Structural Foundations for the Fiction of State Interest (Raison d'État) // *Russian Journal of Philosophy & Humanities*, 2017, No. 1, pp. 73-90.
- Kohli, H.A.; Mukherjee, N. Potential Costs to Asia of the Middle Income Trap // *Global Journal of Emerging Market Economies*, 2011, Vol. 3, No. 3, pp. 291-311.
- Korotayev, A.; Goldstone, J.; Zinkina, J.V. Phases of Global Demographic Transition Correlate with Phases of the Great Divergence and Great Convergence // *Technological Forecasting and Social Change*, 2015, No. 95, pp. 163-169.
- Korotayev, A.; Grinin, L.; Bilyuga, S.; Meshcherina, K.; Shishkina, A. Economic Development, Socio-political Destabilization and Inequality // *The Russian Sociological Review*, 2017, Vol. 16, No. 3, pp. 9-35.
- Korotayev, A.; Issaev, L.; Zinkina, J. Center-Periphery Dissonance as a Possible Factor of the Revolutionary Wave of 2013-2014: A Cross-National Analysis // *Cross-Cultural Research*, 2015, Vol. 49, No. 5, pp. 461-488.
- Korotayev, A.; Vaskin, I.; Bilyuga, S.; Ilyin, I. Economic Development and Sociopolitical Destabilization: a Re-Analysis // *Cliodynamics*, 2018, Vol. 9, No. 1, pp. 57-115.
- Korotayev, A.; Zinkina, J. On the Structure of the Present-Day Convergence // *Campus-Wide Information Systems*, 2014, Vol. 31, No. 2, pp. 41-57.
- Korotayev, A.; Zinkina, J.; Bogevolnov, J.; Malkov, A. Global Unconditional Convergence among Larger Economies after 1998? // *Journal of Globalization Studies*, 2011, Vol. 2, No. 2, pp. 25-62.
- Maddison, A. *Contours of the World Economy 1-2030 AD. Essays in Macro-Economic History*. Oxford university press, 2007.
- Mauro, P. Corruption and Growth // *The Quarterly Journal of Economics*, 1995, Vol. 110, No. 3, pp. 681-712.
- Mauro, P. Corruption and the Composition of Government Expenditure // *Journal of Public Economics*, 1997, Vol. 69, No. 2, pp. 263-279.
- Minkov, M. Predictors of Societal Accident Proneness across 92 Countries // *Cross-Cultural Research*, 2016, Vol. 50, No. 2, pp. 103-122.
- Njoku, C.I.; Bondarenko, D.M. State Building, States, and State Transformation in Africa: Introduction. *Social Evolution & History*, 2018, Vol. 17, No. 1, pp. 3-15.
- Paldam, M. The Cross-Country Pattern of Corruption: Economics, Culture and the Seesaw Dynamics // *European Journal of Political Economy*, 2002, Vol. 18, No. 2, pp. 215-240.
- Pritchett, L.; Werker, E. Developing the guts of a GUT (Grand Unified Theory): elite commitment and inclusive growth. *Brooks World Poverty Institute Working Paper Series*, 2012.
- Sacerdote, B. Peer Effects with Random Assignment: Results for Dartmouth Roommates // *The Quarterly Journal of Economics*, 2010, No. 116(2), pp. 681-704.
- Schneider, F. Does Corruption Promote Emigration? *IZA World of Labor*, 2015.
- Van Rijckeghem, C.; Weder, B. Bureaucratic Corruption and the Rate of Temptation: do Wages in the Civil Service Affect Corruption, and by How Much? // *Journal of Development Economics*, 2001, Vol. 65, No. 2, pp. 307-331.
- Welzel, C.; Inglehart, R. Liberalism, Postmaterialism, and the Growth of Freedom // *International Review of Sociology*, 2005, Vol. 15, No. 1, pp. 81-108.

References:

- Acemoglu, D.; Robinson, J. *The Role of Institutions in Growth and Development*. Washington, DC: World Bank, 2010.
- Aiyar, S.; Duval, R.; Puy, D.; Wu, Y. Zhang L. Growth Slowdowns and the Middle-Income Trap. IMF Working Paper No. WP/13/71. Washington, DC: International Monetary Fund, 2013.
- Banks, A.S.; Wilson, K.A. *Cross-National Time-Series Data Archive*. Databanks International. Jerusalem, Israel. Mode of access: <http://www.databanksinternational.com>
- Belkin, A.; Schofer, E. Toward a Structural Understanding of Coup Risk // *Journal of Conflict Resolution*, 2003, No. 47(5), pp. 594-620.
- Bertrand, M.; Luttmer, E.F.P.; Mullainathan, S. Network Effects and Welfare Cultures // *The Quarterly Journal of Economics*, 2000, No. 115(3), pp. 1019-1055.
- Bicchieri, C.; Rovelli, C. Evolution and Revolution: The Dynamics of Corruption // *Rationality and Society*, 1995, No. 7(2), pp. 201-224.

Bouid, B. Using a Semi-Parametric Analysis to Understand the Occurrence of Coups d'état in Developing Countries // *International Journal of Peace Studies*, 2011, pp. 53-79.

Buonanno, P.; Montolio, D.; Vanin, P. Does Social Capital Reduce Crime? // *The Journal of Law and Economics*, 2009, Vol. 52, No. 1, pp. 145-170.

Cai, F. Is There a "Middle-Income Trap"? Theories, Experiences and Relevance to China // *China & World Economy*, 2012, Vol. 20, No. 1, pp. 49-61.

Campos, J.E.; Lien, D.; Pradhan, S. The Impact of Corruption on Investment: Predictability Matters // *World Development*, 1999, Vol. 27, No. 6, pp. 1059-1067.

Center for Systemic Peace. Coups d'Etat, 1946-2016. Vienna, VA: Center for Systemic Peace, 2018. Mode of access: <http://www.systemicpeace.org/inscr/CSPCoupsListv2016.xls>

Cherny, R. W. American Politics in the Gilded Age: 1868-1900. N.Y.: Wiley, 1997.

Goldstone, D.A. Revoljutsii. Ochen' kratkoevedenie (Revolutions. A very Short Introduction). Moscow: Izd-vo In-ta Gaidara, 2015.

Goldstone, J. Protests in Ukraine, Thailand and Venezuela: What Unites them? // *Russia Direct*, 2014. Mode of access: <http://www.russia-direct.org/content/protests-ukraine-thailand-and-venezuela-what-unites-them>

Goldstone, J.A. Understanding the Revolutions of 2011: Weakness and Resilience in Middle Eastern Autocracies // *Foreign Affairs*, 2011, No. 90, pp. 8-16.

Grinin, L.; Korotayev, A. Great Divergence and Great Convergence. A Global Perspective. New York, NY: Springer, 2015.

Gyimah-Brempong, K., Samaria M. de C. Corruption, Growth, and Income Distribution: Are there Regional Differences? // *Economics of Governance*, 2006, No. 7(3), pp. 245-269.

Hessami, Z. Political Corruption, Public Procurement, and Budget Composition: Theory and Evidence from OECD Countries // *European Journal of Political Economy*, 2014, No. 34, pp. 372-389.

Inglehart, R.; Welzel, C. Modernizacija, kul'turnye izmenenija i demokratij. Posledovatel'nost' chelovecheskogorazvitiija (Modernization, Cultural Change, and Democracy. The Human Development Sequence). Moscow: Novoeizdatel'stvo, 2011.

Ionescu, L. Corruption, Unemployment, and the Global Financial Crisis // *Economics, Management and Financial Markets*, 2012, Vol. 7, No. 3, pp. 127-133.

Khan, M. Governance, Economic Growth and Development since the 1960s. DESA Working Paper N. 54, 2007.

Kharas, H.; Kohli, H. What Is the Middle Income Trap, Why Do Countries Fall into it, and How Can It Be Avoided // *Global Journal of Emerging Market Economies*, 2011, Vol. 3, No. 3, pp. 281-289.

Khestanov, R. Corruption and Revolution as Structural Foundations for the Fiction of State Interest (Raison d'Etat) // *Russian Journal of Philosophy & Humanities*, 2017, No. 1, pp. 73-90.

Kohli, H.A.; Mukherjee, N. Potential Costs to Asia of the Middle Income Trap // *Global Journal of Emerging Market Economies*, 2011, Vol. 3, No. 3, pp. 291-311.

Korotayev, A.; Goldstone, J.; Zinkina, J.V. Phases of Global Demographic Transition Correlate with Phases of the Great Divergence and Great Convergence // *Technological Forecasting and Social Change*, 2015, No. 95, pp. 163-169.

Korotayev, A.; Grinin, L.; Bilyuga, S.; Meshcherina, K.; Shishkina, A. Economic Development, Socio-political Destabilization and Inequality // *The Russian Sociological Review*, 2017, Vol. 16, No. 3, pp. 9-35.

Korotayev, A.; Issaev, L.; Zinkina, J. Center-Periphery Dissonance as a Possible Factor of the Revolutionary Wave of 2013-2014: A Cross-National Analysis // *Cross-Cultural Research*, 2015, Vol. 49, No. 5, pp. 461-488.

Korotayev, A.; Vaskin, I.; Bilyuga, S. Gipoteza Olsona-Huntingtona o krivolineino i zavisimosti mezhdu urovnem ekonomicheskogo razvitiya i sotsial'no-politicheskoj destabilizatsiei: opyt kolichestvennogo analiza (Olson-Huntington hypothesis on a bell-shaped relationship between the level of economic development and sociopolitical destabilization: A quantitative analysis) // *Sotsiologicheskoe Obozrenie – Russian Sociological Review*, 2017, Vol. 16, No. 1, pp. 9-49.

Korotayev, A.; Vaskin, I.; Bilyuga, S.; Ilyin, I. Economic Development and Sociopolitical Destabilization: a Re-Analysis // *Clodynamics*, 2018, Vol. 9, No. 1, pp. 57-115.

Korotayev, A.; Zinkina, J. On the Structure of the Present-Day Convergence // *Campus-Wide Information Systems*, 2014, Vol. 31, No. 2, pp. 41-57.

Korotayev, A.; Zinkina, J.; Bogevolnov, J.; Malkov, A. Global Unconditional Convergence among Larger Economies after 1998? // *Journal of Globalization Studies*, 2011, Vol. 2, No. 2, pp. 25-62.

Korotayev, A.V.; Bilyuga, S.E.; Shishkina, A.R. Ekonomicheskii rost i sotsial'no-politicheskaya destabilizatsiya: opyt global'nogo analiza (Correlation between GDP per capita and Protest Intensity: A Quantitative Analysis) // *Polis*, 2017, No. 2, pp. 155-169.

Korotayev, A.V.; Bilyuga, S.E.; Shishkina, A.R. VVP na dushu naseleniya, intensivnost' antipravitel'stvennykh demonstratsii i uroven' obrazovaniya. Kross-natsional'nyi analiz (GDP per Capita, the Intensity of Anti-Government Demonstrations and Level of Education. Cross-National Analysis) // *Journal of political philosophy and sociology of politics "Politiya. Analysis. Chronicle. Forecast"*, 2017, No. 1(84), pp. 127-143.

Korotayev, A.V.; Bilyuga, S.E.; Shishkina, A.R. VVP nadushunaseleniya, uroven' protestnoiaktivnostii tip rezhima: opytkolichestvennogoanaliza (GDP per capita, Protest Intensity and Regime Type: A Quantitative Analysis) // *Sravnitel'nayaPolitika – Comparative Politics Russia*, 2016, No. 4(26), pp. 72-94.

Korotayev, A.V.; Grinin, L.E.; Issaev, L.M.; Bilyuga, S.E.; Vaskin, I.A.; Slinko, E.V.; Shishkina, A.R.; Meshcherina, K.V. Destabilizatsiya: global'nye, natsional'nye, prirodnye faktory i mekhanizmy (Destabilization of the Global, National, Environmental Factors, and Mechanisms). Moscow: Moskovskaya redaktsiya izdatel'stva "Uchitel'", 2017.

Korotayev, A.V.; Issaev, L.M.; Vasiliev, A.M. Kolichestvennyi analiz revoljutsionnoi volny 2013-2014 gg. (Quantitative Analysis of the Revolutionary Wave of 2013-2014) // *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*, 2015, No. 8, pp. 119-127.

Korotayev, A.V.; Khatourina, D.A. Sovremennye tendentsii mirovogo razvitiya (Modern Trends of World Development). Moscow: URSS, 2008.

Maddison, A. Contours of the World Economy 1-2030 AD. Essays in Macro-Economic History. Oxford university press. 2007.

Mauro, P. Corruption and Growth // *The Quarterly Journal of Economics*, 1995, Vol. 110, No. 3, pp. 681-712.

Mauro, P. Corruption and the Composition of Government Expenditure // *Journal of Public Economics*, 1997, Vol. 69, No. 2, pp. 263-279.

Minkov, M. Predictors of Societal Accident Proneness across 92 Countries // *Cross-Cultural Research*, 2016, Vol. 50, No. 2, pp. 103-122.

Njoku, C.I., Bondarenko, D.M. State Building, States, and State Transformation in Africa: Introduction. *Social Evolution & History*, 2018, Vol. 17, No. 1, pp. 3-15.

Paldam, M. The Cross-Country Pattern of Corruption: Economics, Culture and the Seesaw Dynamics // *European Journal of Political Economy*, 2002, Vol. 18, No. 2, pp. 215-240.

Pritchett, L., Werker, E. Developing the guts of a GUT (Grand Unified Theory): elite commitment and inclusive growth. *Brooks World Poverty Institute Working Paper Series*, 2012.

Sacerdote, B. Peer Effects with Random Assignment: Results for Dartmouth Roommates // *The Quarterly Journal of Economics*, 2001, No. 116(2), pp. 681-704.

Schneider, F. Does Corruption Promote Emigration? *IZA World of Labor*, 2015.

Tsirel, S.V. K istokam ukrainskikh revoljucionnyh sobytij 2013-14 gg. (To the Sources of the Ukrainian Revolutionary Events of 2013-14), 2014. Mode of access: <http://polit.ru/article/2014/06/08/ukraine/>

Tsirel, S.V. Revoljucionnye situacii, revoljucii i volny revoljucij: uslovija, zakonomernosti, primery (Revolutionary Situations, Revolutions and Revolutionary Waves: Conditions, Regularities, Examples) // *Ojkumena*. Vyp. 8 / Nauch. red., sost. A. A. Fisun. Har'kov, 2011, pp. 174-209.

Van Rijckeghem, C.; Weder, B. Bureaucratic Corruption and the Rate of Temptation: do Wages in the Civil Service Affect Corruption, and by How Much? // *Journal of Development Economics*, 2001, Vol. 65, No. 2, pp. 307-331.

Welzel, C.; Inglehart, R. Liberalism, Postmaterialism, and the Growth of Freedom // *International Review of Sociology*, 2005, Vol. 15, No. 1, pp. 81-108.

Zarabotnaya plata i korruptsiya: kak platit' rossiiskim chinovnikam? Analiticheskie doklady / *Indem* (Wages and Corruption: How to Pay Russian Bureaucrats? Analytical report. INDEM). Moscow: Indem, 2002. Mode of access: http://www.anti-corr.ru/indem/2002salary_corruption.htm

DOI: 10.24411/2221-3279-2018-10007

CORRUPTION, HUMAN VALUES AND ATTEMPTS OF VIOLENT CHANGES OF GOVERNMENT IN COUNTRIES WITH VARIOUS LEVELS OF PER CAPITA GDP: A COMPARATIVE QUANTITATIVE ANALYSIS

Andrey V. Korotayev

*National Research University Higher School of Economics,
Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*

Sergey V. Tsirel

*Saint-Petersburg Mining University,
Research Center of Geomechanics and Mining Industry Issues,
St. Petersburg, Russia*

Stanislav E. Bilyuga

*National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 28.03.2018</p> <p><i>Sent for editing:</i> 28.09.2018</p> <p><i>Accepted:</i> 10.10.2018</p>	<p>Abstract: The frequency of coups and coup attempts is shown to be approximately equally related both to the level of corruption and to the level of per capita GDP; with regard to attempts to overthrow the central government, the influence of the GDP per capita level is slightly stronger, whereas with regard to the overthrow of all authorities in aggregate, both central and local, the degree of corruption has a greater impact. At the same time, both indicators are in close connection, but the rate of GDP growth does not have a stable correlation with corruption and is weakly correlated with the frequency of attempts to violently overthrow the state authorities. The detected relationships are connected in a complex way with the human values. In the group of developed countries with a level of corruption less than 40 points, we find a significant positive correlation between non-corruptness and values of self-expression. In other countries, values do not influence the level of corruption, but they affect the rate of economic growth and the frequency of attempts to overthrow the government. The study suggests that, with equal levels of corruption in low and middle income countries, the rejection of traditionalism produces a positive impact on political stability and rapid economic growth, whereas a premature transition to values of self-expression may produce a negative impact on economic growth. On the other hand, for a country to exceed the GDP per capita level of about 20-25 thousand dollars a year is problematic if its development is not accompanied by the reduction of corruption below the level of 40-50 points. There is reason to believe that modern Russia (with a per capita GDP of about 25 thousand dollars per year and a level of corruption of more than 70 points) can be just in this situation.</p>
<p>About the authors:</p> <p><i>Andrey V. Korotayev</i>, PhD, Dr of History, Professor, Head of the Laboratory for Monitoring of Sociopolitical Destabilization Risks, Higher School of Economics; Senior Research Fellow, Institute for African Studies of the Russian Academy of Science</p> <p>e-mail: maylis.anton@gmail.com</p> <p><i>Sergey V. Tsirel</i>, Dr of Technical Sciences, Principal Researcher, Saint-Petersburg Mining University; Research Center of Geomechanics and Mining Industry Issues</p> <p>e-mail: tsirel58@gmail.com</p> <p><i>Stanislav E. Bilyuga</i>, Research Associate, Laboratory for Monitoring of Sociopolitical Destabilization Risks, Higher School of Economics</p> <p>e-mail: sbilyuga@gmail.com</p>	<p><i>Acknowledgements:</i> This article is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE) in 2019 with support by the Russian Science Foundation (project № 18-18-00254)</p>
<p>Key words: corruption; destabilization; coup d'état; coup attempt; per capita GDP; GDP growth; growth sustainability; traditional values; rational values; survival values; values of self-expression</p>	

Для цитирования: Коротаев А.В., Цирель С.В., Билюга С.Э. Коррупция, ценности и попытки насильственных изменений государственной власти в странах с различным уровнем ВВП на душу населения: опыт количественного компаративного и корреляционного анализа // *Сравнительная политика*. – 2019. – № 1. – С. 98-123.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10007

For citation: Korotayev, Andrey V.; Tsirel, Sergey V.; Bilyuga, Stanislav E. Korruptsiia, tsennosti i popytki nasilstvennykh izmenenii gosudarstvennoi vlasti v stranakh s razlichnym urovnem VVP nadushu naseleniia: opyt kolichestvennogo komparativnogo i korreliatsionnogo analiza (Corruption, Human Values and Attempts of Violent Changes of Government in Countries with Various Levels of Per Capita GDP: A Comparative Quantitative Analysis) // *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 1, pp. 98-123.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10007